

Мечте этой лет сорок. Осуществление ее вроде бы простое: купить билет и доехать до самого северного города Смоленщины – Сычѣвки, а дальше пешком километров пятьдесят, повезет, может и попутка подобрать. И всё. А – не получалось как-то. Проще оказалось добраться до сердца заповедной земли в Подлеморье, как называют баргузинские берега Байкала, и до кордонов алтайской земли, или до скал на заполярной речке Застрелке в Коми, или до озера в Карелии возле Белого моря. Все странствия закончились возвращением в Смоленск, хотя на Байкале я предполагал провести всю жизнь. Не удалось. И не байкальская волна, а днепровская уносила эти годы куда-то к устью. А меня манили истоки.

Прописные истины: Днепр – наш Иордан, осевая река русской цивилизации, по ней шли варяги до Киева, на ней родилась Русь, и, возможно, даже название это – Русь – от одного из притоков Днепра, речки Роси; по Днепру восходила византийская вера и культура, – все эти истины только подогревали желание подняться к истоку, к началу сего великого пути-дела. Ведь начало любого большого дела интересно и знаменательно, а там, в истоке, это начало сотворяется как будто вновь и вновь, как в празднике, когда обновляется время и открывается его священная суть, по Мирче Элиаде. (Его тоненькую книжку «Священное и мирское» можно назвать походной)

Днепр берет начало в летописном Оковском лесу, великом лесу трех рек: Западной

Ощущение далекой высоты пришло в первую же попытку туда подняться. Сделать это я решил на байдарке еще в начале девяностых прошлого века: идти вверх по течению, пока днище не начнет скрести песок. Днепр река спокойная, но, когда идешь против течения и перелопачиваешь его воду, кажется, что это горная река, по крайней мере, каждый вечер походного дня приносил это убеждение. Днепр мощно напирал на резиновые бока байдарки и норовил поворотить ее, словно призывал гребца не *противоречить*. И он переспорил меня: подняться я смог километров на сто двадцать или больше, до Соловьёвой переправы.

Вторая попытка была на велосипеде. Но я сразу допустил грубую ошибку – поехал проселочными дорогами по карте, выпущенной несколькими годами раньше, а сведения-то для нее собирались еще раньше, совсем в другой стране – СССР; и за это время многое изменилось: исчезла страна, обвалились мосты, опустели многие деревни и заросли дороги – да так, что их почти невозможно было найти, а найдя, по ним можно было передвигаться разве что на танке. И я увяз в этих родимых хлябях. Иногда увязал в буквальном смысле – брел по пояс в воде, толкая тяжелый велосипед. После дождей реки разлились. И было жарко, душно. Но настоящей преградой и казнью стали полчища слепней. Я двигался в черном воющем облаке, и сам временами взывал. Хляби выплюнули меня снова на Соловьёвой переправе. Недельные блуждания лишили меня воли. Покусанный, с

обгоревшим на солнце носом покати я обратно, да так резко, что за полдня проделал недельный путь, – всё дело в том, что возвращался по асфальтированной дороге.

И примерно на пятнадцать лет я оставил эту затею. Но время от времени взгляд падал на карту, где у северных ее пределов дрожала синяя жилка Днепра. Дрожала – это не метафора, на самом деле между деревнями Бочарово и Дудкино Днепр обозначен пунктиром. Там его начало, Исток. И Дудкино это тихонько выпевало песенку странствий. А еще выше деревня Лесные Дали. Дудкино да Лесные Дали...

Исток мешал как неисполненный обет.

Можно было, конечно, все-таки сесть в автобус. И я уже склонялся к этому, оправдываясь годами. Доехать до Сычёвки и пятьдесят километров топтать. Но будет ли это тем восхождением, о котором мечталось?

Смотрел документальный фильм о Тибете, о священной вершине тибетцев Кайласе, с которой стекают четыре великие реки Индии, Тибета и Непала, среди них Инд и Брахмапутра. На самом деле Инд начинается в семидесяти километрах от горы, Брахмапутра в ста десяти километрах. И все это лишь поэтические вольности. Но Кайлас все равно притягивает паломников, хотя и находится в труднодоступном месте, и почитается священной горой.

Мысли мои обратились к Оковскому лесу на русской горе – Валдае. То, что с нее стекают три великие реки, не миф, а факт. Валдайская возвышенность обширная. А я продолжаю гадать, как выглядит смоленский бок этой горы и начало Днепра, как будто для паломничества мне нужны документы, билет за тридевять земель и много денег. Сколько можно откладывать?

19 августа я выехал. Скрываются высотные дома окраины Смоленска, кружная дорога, мост через Днепр, полноводный, несущий воды с ленцой к Смоленску и дальше, в Белую Русь и в Киевскую – в историческом, а вовсе не политическом ракурсе. А я еду вверх.

До Вязьмы буду двигаться по Старой Смоленской дороге по вехам исторического времени, зримо обозначенным на протяжении всего пути верстовыми столбами. И это важно. Любое паломничество начинается с первого шага и похоже на медитацию или подготовку к принятию чего-то, к восприятию истины, которая и таится в конечном пункте. Старая Смоленская дорога настраивает на старое.

И мой путь вплоть до Дорогобужа будет примерно совпадать с направлением Днепра и пересекаться с ним.

Шоссе в ранний час было пустынным. Солнце еще не распалилось. Посвистывали птицы, мягко шелестели шины. И уже позади оставались всякие долгосрочные заглядывания, загадывания. В чем целительный смысл дороги? Прежде всего в этом. Это похоже на соизмеримые с человеком дома. Почему среди небоскребов человек чувствует себя подавленным? Он не может разглядеть цвет занавесок в окнах последних этажей. Лучше всего, когда тебя окружают двухэтажные или вообще одноэтажные дома. В дороге жизнь становится одноэтажной, простой и понятной: из пункта А доехать до пункта Б. Всё остальное уже от тебя не зависит: ремонт квартиры или поиски денежной работы, издание книги или починка зубов. Всё свершается только сейчас и сейчас, здесь – в радиусе двух-трех метров и в течение получаса. Ну, хорошо, на расстоянии пятидесяти километров и до захода солнца. Эти пятьдесят километров и заход солнца только и важны. И небо над тобой. А оно было бестрепетно ясным.

Первая остановка у верстового столба возле Валутинского поля сражения в августе 1812, в котором любимцу Наполеона генералу Гюдену ядром оторвало ногу, и он умер, а генералу Павлу Тучкову была нанесена рана штыком во время вечерней атаки, и он попал в плен; всего с обеих сторон здесь погибли около тринадцати тысяч человек. После этого сражения Наполеон впервые заговорил о возможности достижения мира.

Вид поля боя, на которое он приехал утром, производил гнетущее впечатление. Но царь уже не желал слышать о мире, а фортуна, всегда благоволившая к Наполеону, влекла его дальше. Здесь, можно сказать, была пройдена точка невозвращения. То есть возвращение-то состоится несколько месяцев спустя, но это будет за гранью воображимого, Старая Смоленская – а тогда Московская – дорога станет одним из выпрямившихся кругов ада, когда европейские витязи будут поедать мясо своих товарищей и лошадей, драться за место у костров и все равно обмораживать конечности, сталкивать больных и немощных с повозок, прямо скакать по упавшим сподвижникам, проламывая им грудные клетки и дробя черепа. Какое боевое братство?! Братство под воздействием русских атак и русского мороза быстро превратится в стаю.

А пока еще август и впереди великие богатыства монастырей и московских дворцов, русские девы, не успевшие покинуть имений, румяные девки в деревнях; созревшие хлеба и плоды неведомой диковинной России...

По старому стилю сражение у Валутина произошло 19 августа. А сегодня было как раз 19 августа, но по новому стилю. Да ведь праздник все равно был сегодня – Яблочный Спас, или Преображение Господне, когда Христос явился своим ученикам в сиянии на горе – этот свет называют фаворским. Свет этого события как будто упразднял различие в календарях, что соответствовало словам пророчества Иоанна: «...времени уже не будет».

Световая символика волнует любого фотографа. И старт именно в этот день давал мне повод надеяться на удачу.

И вот начались холмы Старой Смоленской дороги. Я уже знал эти стремительные спуски и затяжные подъемы. Дорога асфальтированная, но узкая, появившиеся машины проносятся близко, обдавая лицо жаром и гарью. Но меня этот запах не раздражал, а странным образом волновал, – как старого

индейца. Да, индейцы придумали ловушку для событий – пучок цветов или веточек, обдающих сильным запахом, и потом стоило только вдохнуть тот или иной аромат, и прошлое являлось будто по сказочному требованию: стань передо мной! Гарь солярки сопутствовала мне два года на афганских дорогах. А запах паров бензина напоминал детские поездки на инвалидке дяди Вити Данилкина из Кардымова. Ездили мы с ним на рыбалку да за грибами.

Как раз впереди и лежал этот поселок – Кардымово, и я готовился внимать образам детства, как вдруг меня нагнал рослый велосипедист, кинул взгляд сквозь ленноновские очки, поздоровался и покатил дальше. Еще бы, к его багажнику были приторочены всего-то две тощие кожаные сумки, а за моей спиной громоздился как будто пухлый седок, лентяй, новый Обломов, турист, нанявший велорикшу – провинциального литератора, решившего подработать.

Но, проехав вперед до удобной обочины, длинный велосипедист вежливо затормозил, слез с велосипеда и обернулся. Я свернул к нему. И мы еще раз поздоровались. Вскоре сюда причалила и спутница незнакомца. Это были иностранцы. Длинный мужчина с седой бородкой немного говорил по-русски. Его спутница – нет. У обоих были встревоженные лица. Наверное, по России только с такими лицами и могут ездить иностранцы меланхолично подумал я. Но мужчина объяснил, что эти спуски и подъемы вымотали их.

– Ну да, – откликнулся я, – но это еще ничего, главное – асфальт есть.

Не знаю, поняли они меня или нет. Кажется, да. Мужчина поинтересовался, откуда и куда еду я. Из Смоленска на Исток Днепра.

– Что такое Исток Днепра? Такой город? – спросил он.

– Исток реки. Днепр – река. А там ее исток.

– А! – понял он, кивая. – Ис-ток.

– Да.

И он тут же спросил:

– А на Чёрном море ты уже был?

– Нет, – честно признался я, но уточнять, что вообще за свои полвека с лишним не был ни на одном море, не стал. А узнав, сколько проехали они, понял, откуда такая легкость в вопросах расстояний: счетчик на руле у этого туриста лет шестидесяти показывал 1980 км. Еще триста километров добавить и получится вся длина Днепра.

Ехали они из Берлина в Москву. Ночевали в гостиницах. Мы еще немного потоптались на обочине – и разъехались. Они сразу обогнали меня, хотя дорога и шла в гору. А я уже жалел, что, как обычно, далеко спрятал фотоаппарат, чтобы не пылился, он любительский и не имеет защиты от влаги и пыли. И досадовал, что не додумался сразу поздравить их с Яблочным Спасом и угостить яблоками, прихваченными из холодильника перед самым выездом. Белый налив. Как раз два яблока.

Дорога привела в Кардымово. Мелькнули мысли о дяде Вите, потерявшем ногу при минометном обстреле под Кёнигсбергом. Да и вот как раз здесь мне и повстречались вероятные дети тех, кто наступал по этим холмам и долам, совершающие теперь как будто поканный – или какой? – поход на Москву.

В Кардымове я не стал задерживаться, дяди Вити там давно уже нет.

Отъехав от поселка, притормозил перед очередным подъемом, готовясь идти пешком, оглянулся – увидел далеко позади как будто фигурки велосипедистов. Они приближались. У меня было время вытащить фотоаппарат. Да вскоре уже хорошо была видна донкихотская фигура мужчины. Женщина с косами обогнала спутника и, поняв, что их фотографируют, обернулась и с улыбкой что-то бросила своему спутнику. Они останавливались. Мы снова здоровались. Значит, они осматривали Кардымово, и так я их обогнал.

– У нас есть для тебя подарок! – отдышавшись, воскликнул мужчина.

Женщина с улыбкой доставала пакет. В пакете круглились яблоки. Я замешкался. Ну, не обмениваться же яблоками? Но поблизости в кармане рюкзака с фотоаппаратом у меня было лакомство для быстрого второго

завтрака: вафельные палочки с вареной стружкой. Их я и вручил Митти. Так звали спутницу нашего Дон Кихота. А его имя было Майк. Теперь уже мы познакомились. И я записал их адрес и пообещал фотографии. Расстались мы по-товарищески. Думаю, вряд ли этот дух товарищества присущ другим, так сказать, участникам процесса, то бишь перемещения по дорогам, слишком их много и слишком высоки их скорости. И воздействие этого дорожного товарищеского духа я испытывал впервые – здесь, на Старой Смоленской дороге. На сердце было тепло.

2.

На сердце было тепло. И неожиданной встрече я порадовался еще не раз по простой причине: она подарила мне возможность взглянуть на всё глазами другого. Майк и Митти стали моими невидимыми спутниками на Старой Смоленской дороге.

Подъезжая в тот же день к Соловьёвой переправе, я и оценивал все как гость. И видел очередной дорожный столб-знак, на котором начертано... что-то русскими письменами. Столб-то тех еще, наполеоновских времен. На другой обочине храм в лесах, какой-то памятник... Как видно, павшим во Второй мировой. Если проехать немного по поселку, то увидишь магазин, еще дальше снова купола и вода из трубы – родник, spring, он же весна... Можно ли пить эту воду? На вид чистойшая... А вот и река. Dnieper. В Чёрном море ее устье. И где-то в глухих лесах-болотах начало, istok.

Соловьёва переправа – рубец русской памяти, рубеж, который омывали волны кровавой днепровской воды. По ней снабжались сражающиеся войска под Смоленском в 1941, по ней отступали. Оборонял переправу отряд полковника А. И. Лизюкова. Здесь погибли от 50 000 до 100000 человек. Последний раз кто-то из деревенских видел здесь живым и моего родственника Николая Зуева, лейтенанта связи, учившегося в Ленинграде в военном училище, было ему в ту пору двадцать лет. После этого от него

уже не было никаких вестей. Два военных письма Николая сохранились. Он извиняется, что плохо писал, но оправдывается обстоятельствами. Просит сохранить посланный матери в Касплю плащ с вышитыми внутри на кармане инициалами «ЗН». Матери он перевел деньги. Обещал забрать ее и сестру. Заканчивается письмо так: «Раздавим фашистскую гадину, тогда и встретимся».

За Соловьёвой переправой в еловом лесу я заночевал. Над макушками елей горели звезды, в августе густо звезд. Впервые взял с собой в поход подаренный дочкой плеер. Сразу попал на «Блажен муж, боящийся Господа» Дмитрия Бортнянского. Творения украинского композитора и дирижера 18–19 веков, создателя русского хорового концерта и управляющего Придворной певческой капеллой в Петербурге, я закачал с умыслом: хотел послушать прямо на Истоке. В том числе и его духовный гимн «Коль славен наш Господь в Сионе» на стихи Хераскова, который был некоторое время неофициальным гимном Российской империи.

Слушал и сквозь сетку видел звезды. Впечатление чистоты и силы было ошеломительным. И мне эта поездка внезапно представилась даже некоей миротворческой миссией. Чего только не взбредет в вечерний час. Ведь даже гений признавался: «И забываю мир – и в сладкой тишине / Я сладко усыплен моим воображеньем».

Солнечным утром выкатил велосипед из трав снова на асфальт Старой Смоленской дороги. По обе стороны золотились и зеленели сосны, темнели ели и серебром сверкали березы. И бодрый смолистый воздух царил над дорогой. Кроме того, она выпрямилась, холмы остались позади. Наверное, Майк и Митти здесь вздохнули свободнее. А добротные дома с подсолнухами и георгинами в садах точно должны были заставить их усомниться завываниям прессы о нищей, бедствующей России. И это были не какие-то деревни вблизи большого города, а обычные деревни в самой сердцевине страны. Почти возле каждого дома стоял автомобиль,

виднелась и другая техника. В конце концов, и вон такие крепкие скворечники на соснах показатель благосостояния.

В полдень на горизонте показались трубы и дымы Верхнеднепровского. Казалось – рядом. Но еще предстояло добраться до географического центра Смоленской области на речке Уже, где установлен знак, до города Дорогобужа, попетлять по его крутым дорогам, спуститься к Днепру в широкую пойму, оттуда катить велосипед в гору, долго, плаваясь под огнедышащим вечерним солнцем, и только в шесть часов остановиться на пустынной дороге напротив этих труб и самого большого в Европе и второго после Нью-Йорка глобуса и сфотографировать этот немного сюрреалистический промышленный пейзаж.

Здесь Дорогобужская ГРЭС – сейчас ТЭЦ – и завод азотных удобрений. А еще в Верхнеднепровском жил один странный человек – живописец-самоучка Иван Тарасов, «маленький трудящийся человек, начальник смены катализаторного цеха, пишущий на фанерках свои картины-сказки», как рассказывал о нем смоленский искусствовед Владимир Аникеев. И ради этого стоило бы свернуть и приблизиться к громадине глобуса, но в промышленном поселке никто так и не надумал создать новую достопримечательность: музей-квартиру самоучки. И зря. Ведь для многих именно такие точки на глобусе и важны. В Париже Анри Руссо, в Тбилиси – Нико Пиросмани, а в Верхнеднепровском – Иван Тарасов.

Завод и ТЭЦ шумели, дымили, а дали вокруг открывались захватывающие, былинные. Далеко над долиной Днепра темнели леса, в одном месте виднелся какой-то светлый дом, – а может, церковь?

Снова пересек Днепр и в деревне Полибино набрал воды. Пока набирал, разговаривал с местной бабушкой. Она спрашивала, куда я путь держу, качала головой, замечая, что это надо охоту большую иметь так ездить. На мой вопрос о жизни махнула рукой, крепче подвязала цветной платок и сказала:

– Ай, какая жизнь?! Не жизнь, а выживание. Совхозов нету...

– А почти в каждом дворе машина, – поделился я своими радужными впечатлениями.

– Ну так влезли мужики, теперь сидят в кредитах, крутятся, туды-сюды, а где работу найти?

– Там на заводе? – спросил я, кивая в сторону дымящей махины.

– Еще попробуй устройся.

Вообще, похоже, дым в сырую погоду все накрывает здесь. А постоянный шум давит. Не позавидуешь окрестным жителям.

На прощание бабушка пожелала мне вернуться живым. Я был не против. А до этого в сельском магазине продавщица и бойкая покупательница уверяли меня, что ездить одному по этим дорогам опасно: «Времена-то какие!» Ну а я подумал об иноземных паломниках, Майке и Митти, едущих себе по этим же дорогам без хорошего знания языка и вообще всех особенностей нашей жизни.

Останавливался на ночлег я обычно так. Сворачивал на проселок и метров пятьсот, иногда и километр ехал или шел по нему, в зависимости от его разбитости, дальше, еще раз сворачивал и уже двигался в травах, среди кустов, деревьев и кочек, пока не находил более или менее ровную полянку, надежно защищенную растительностью. Мало приятного очнуться ночью в палатке, в упор освещенной фарами, верно? Однажды на краю поля я спасался от комаров в спальнике и едва не был раздавлен колесами «Белоруса», в кабине которого болтались из стороны в сторону явно пьяные седоки. Да и огонь костра, конечно, лучше никому, кроме тебя, и не видеть. Тем более что был объявлен противопожарный период. Но каждое лето его объявляют. И что же делать? В лес я старался не входить. С собой была легкая и прочная лопатка и кострище всегда тщательно готовил, вырывал ямку, срезал верхний слой вокруг, а поутру, позавтракав, умывался и чистил зубы прямо над углями. Да и углей-то было мало, на топливо шел сухой кустарник. И эти стоянки вряд

ли найдешь, даже если пройдешь прямо по ним. Таковы мои правила. «Настоящий странник не оставляет следов», – говорили пилигримы Поднебесной.

В этот раз пришлось заночевать прямо за деревней на косогоре, в пятнадцати метрах от дороги. Двигаться дальше просто не было сил. В темноте уже поел хлеба с паштетом, съел пару подаренных яблок, горсть изюма, отвратительный плавленый сырок «Дружба», запил все водой, глядя на яркую полную луну, влез в палатку... но перед тем, как отключиться, все-таки успел послушать Струнный квартет Шостаковича и чью-то арию из оперы Бородина «Князь Игорь». В плеер я закачал только отечественную музыку. Ну, то есть русскую классику и украинскую. А белорусы? Днепр-то симфония трех народов, балда. Перед белорусами я всю дорогу чувствовал вину. Оправдывался тем, что мысль о Днепре-симфонии пришла мне лишь полнолуной ночью уже за Дорогобужем, вблизи пыхтящего завода... Это пыхтение ведь тоже вплетается в симфонию... И уже я ничего не слышал.

3.

Утром следующего дня лесная Старая Смоленская дорога привела к указателю «Свято-Троицкий Герасимо-Болдинский мужской монастырь». Еще пять минут езды сквозь сосновый духовитый лес – и передо мной открылся вид на пятикупольный белый храм за белыми стенами. Слышать о монастыре я слышал, видел и какие-то изображения, но – поистине лучше один раз увидеть это, как есть, самому, без посредников. Зрелище было все-таки неожиданным. Мощный золотокупольный собор среди лесов звучал медленной густой второй частью, как это принято в симфонии. На переднем плане открывшейся картины виднелись улья. Солнце сияло на куполах. Примерно таким и видели с начала семнадцатого века – а строить его начали в 1590 году – монастырь те, кто ехал по каким-то надобностям Московским трактом и решал взглянуть на лесной храм. На-

деюсь, Майк и Митти поступили подобным же образом.

Вскоре я оставил велосипед с рюкзаком перед входом в монастырь и прошел внутрь. Из каменной сторожки тут же появился монах. По моим дальнейшим наблюдениям, этот монах не выходил больше ни к кому. А ко мне вышел. Вид я имел странный – странный. Остальные-то приезжие выглядели вполне современно и прилично – ведь прибывали они на автомобилях. У меня за плечами был небольшой рюкзак с фотоаппаратом. Брезентовое кепи уже успело выгореть на солнце, камуфляжные брюки запылились и вздулись на коленях. Забиты белой пылью были и старые кроссовки. Ну а лицо над бородой покраснело от солнца. Но кто знает на самом деле, почему он вышел. Я-то на повороте к монастырю сразу приветствовал его истинного хозяина – основателя святого Герасима.

Сюда в дорогобужские леса он пришел в 1528 году. До этого житие Герасима было таковым: в тринадцать лет он стал послушником у духовника Василия Третьего Даниила в монастыре в Переславле-Залесском и потом был пострижен. Трудился сапожником для «божедомных людей». Потом судьба привела его в лесную пустыню дорогобужскую, здесь он и поселился. Местным это не нравилось, они на него нападали и били. А он жил и как будто чего-то ждал. Житие рассказывает, что с ним подружился ворон, который оповещал его о приближении людей, а однажды охотник по имени Кучка видел, как ворон пикировал на медведя, пытавшегося разорить короб Герасима с едой. Эта подробность про эпизод с охотником весьма жизненна. Вообще вороны любопытные и смелые птицы, о чем и рассказывают орнитологи.

И вот как-то услышал Герасим в своей пустыне ночью стройный звон колоколов, утром пошел к источнику звона – а нашел источник воды, над ним великий дуб. После этого с посохом да котомкой отправился в столицу за разрешением строить обитель и получил его от великого князя Василия Тре-

тьего. Так и возник этот монастырь. А Герасим основал еще три. Был он большим любителем пешего хода, как и еще один странник убогий – украинец его тезка Григорий Сковорода (по рождению Герасиму дали имя Григорий), клавший под голову котомку с Библией и свирелью. Вот отправился Герасим в гости в свой Переслав-Залесский с тремя иноками так те ехали в санях, а он шел пешком. Любил лес, тишину и одинокие хождения. И, умирая, завещал привечать странников.

Так вот этот монах из сторожки меня и приветил, за что ему спасибо. Потому, что успел я уже заметить плакат с запрещением всякой съемки на территории монастыря. Подумал, что только снаружи и придется фотографировать... а жаль! Краем глаза уже захватил белые стены, цветы, яблоки, ели, кельи... И вслух произнес

– Фотографировать нельзя.

А монах из сторожки вдруг ответил:

– Можно. Фотографируйте. Только не в храме.

Позже я читал записки разных посетителей монастыря, сетовавших на запрет и снимавших только снаружи.

А я с жадностью принял к видуискателю: кельи, яблоки, купола, цветы, колодец, о котором говорят, что он был забыт, но приснился одной девушке, и она с мужем поехала в монастырь и указала это место; теперь чистойшей ледяная вода из глубин утоляет жажду.

Два часа исчезли во мгновение ока – объектива. Карман рюкзака был набит яблоками, падалицами. Яблоки болдинские душистые. Ну, попробовали их Майк с Митти? Надеюсь, что сюда они свернули и тоже увидели это праздничное пространство белых стен, цветов. Знаменитый архитектор и археолог из дорогобужских крестьян Пётр Барановский, восстанавливавший храм, предполагал, что в его возведении участвовал Фёдор Конь, тоже дорогобужский мастер.

...Вспомнилось, что мой старший брат Игорь, будучи студентом исторического факультета смоленского пединститута, в строй-

отряде работал здесь. И говорил мне, что монастырь произвел на него огромное впечатление.

С яблоками и монастырской водой в бутылки отъезжал я от белых стен, тоже полный впечатлений, и, уже жалея, что не пробыл здесь дольше, не дождался вечернего света, а потом и самого лучшего и нежного света зари. Но ехать мне еще далеко было – теперь уже в сторону от Днепра, к Семлёву и Вязьме. Дудкино где-то высоко на склоне Валдая пело.

А что-то болдинское уже было все-таки со мной, согревающее и ясное.

И, например, когда в лесах дорога, с которой внезапно сошла асфальтовая шкура, внезапно раздвоилась, я знал, что это болдинское чувство, воспоминание не даст мне заблудиться, был уверен в этом и свернул влево. Думаю, Майк и Митти здесь по-настоящему растерялись. Куда же ехать? Обе дороги выглядят одинаково – наезженные, песчаные. Но ведь одна из них Старая Смоленская и ведет к Вязьме и Москве. Должен быть здесь указатель?

Да, не завидую им, думал я, бодро крутя педали и радуясь сосновому аромату и солнечной погоде. Представляю, каково тут в дожди.

А может, и они поймали это путеводное болдинское чувство? И выбрали правильную дорогу?

...Но дорога как-то сузилась и начала забирать все левее – к северу, тогда как должна идти на восток – в сторону Москвы. Остановился. Достал карту. Посмотрел на солнце. Оно было примерно на юге. А дорога точно уходила на север. И болдинское путеводное чувство оставило меня. Обуреваемый сомнениями, повернул назад и покатиł обратно. Приехал на развилку. Снова достал карту. Подождал, не появится ли кто. Но было тихо. Только канюк где-то гнусавил над лесом.

И поехал я теперь направо. Ехал-ехал, а сомнения снова одолевают: туда ли? Жарко. Остановился, выпил все еще холодной болдинской воды, утер усы и дальше покатиł.

И тут увидел автомобиль, пыливший навстречу. Махнул рукой. Автомобиль и так уже притормаживал.

– Да я бы и так остановился, даже если бы не попросили, – сказал пожилой мужчина в очках и с усами.

Вел он «жигули», рядом на сиденье лежал портфельчик.

– Не по той дороге поехал? – уже догадался я.

Он кивнул с мягкой улыбкой.

– Те, кто поумнее, обычно там, на развилке, ждут какую-нибудь оказию, – сказал он.

Я уныло вздохнул.

– Не расстраивайтесь, – поспешил он успокоить меня. – Мне приходилось даже автобусы с туристами разворачивать.

Да, подивился я на эти автобусы – сколько дураков враз можно встретить.

Разговорились. Этот человек, как я и догадался по портфельчику-то, был на службе, и служит он главой сельского поселения Васино. Бывший директор школы. Ему часто приходится встречать и здесь и на Старой Смоленской путешественников. Со всей России едут в монастырь, идет о нем слух. Из Сибири едут. С Урала. Две дочки одного специалиста, работавшего у льва пустыни Каддафи, после вспыхнувшей порохом арабской весны, здесь нашли приют, оказались большими мастерицами: одна вышивала, другая рисовала.

– А куда же ведет эта дорога?

– В мою родную деревню Никитинку. Ну, как говорят, в бывшую деревню. А для меня то она настоящая, живая... И дальше, в деревни, где еще есть два-три старика. А там уже Угра, калужские леса.

И я подумал, что эти угранские леса и созерцал с дорогобужских холмов.

Пожелали друг другу счастливого пути и разъехались.

Еду назад, а навстречу бежит рослый лохматый пес, за ним пылит длинная цепь. Ну, этот-то вряд ли заплутал, видно, был кому-то продан, вырвал кольцо да пустился в родные пенаты. Для него они тоже всегда живые,

если даже хозяева, старики, и померли. За всеми деревенскими как будто такая цепь волочится. А кто здесь не деревенский? Вся Русь на самом деле деревенская, гремит цепью... Грубо звучит? Русскую жизнь вообще ласковой не назовешь. Не это ли и притягивает сюда путешественников из Европы и Америки. Интересно, откуда все-таки родом Майк и Митти? Не успел спросить. Да и вот с этим интеллигентным главой из Васина не познакомился. Не успел понять – хороший человек.

4.

Так вот и надо было подчиниться первому ясному чувству, думал я, возвращаясь на старый след в песке перед развилкой, до конца. У мусульманских делателей, у суфиев, есть такой период в духовном становлении, который они называют упованием. Полное упование на волю вышнюю, так называемая стоянка, где не надо вообще ни о чем заботиться: все, что должно прийти – придет само собой. То же самое, впрочем, и у христиан, с той лишь разницей, что христиане не обозначают так отчетливо эту стадию. Например, Герасим отправляется в дорогобужские леса без денег, без вещей, – это ли не полное упование?

У меня на багажнике достаточно вещей, в кошельке есть деньги, то есть ничего на самом деле страшно не произошло бы, даже если заехал бы в какие-то дебри. Надо было просто решиться, пойти дальше за болдинским путеводным чувством. Проявить хотя бы такое туристское упование, несравнимое с большим упованием подвижников. А я растерялся, смалодушничал. Хотя когда-то собирался полностью довериться воле случая и отправиться в поход вообще без денег и вещей.

Оставалось утешаться только тем, что в результате удалось поговорить с хорошим человеком.

Да и кто знает, какие встречи останутся втуне на дорогах, мимо которых мы проезжаем.

Старая Смоленская дорога между Васином и Семлёвом поистине старая, пыльная, песчаная, посыпанная хвоей и рано облетающей от жары листвой. А в лесной тени даже и в такую жару после малоснежной зимы стояли лужи. Можно представить, что здесь за дорога пасмурным летом или осенью, весной. Тут-то и надо снимать кино про наступление французов. Живописный дух этой дороги мне нравился, шла она в соснах, иногда выкатываясь на заросшие поля, мимо редких валунов. Но в практическом смысле эта дорога была наказанием: колеса буксовали в песке. То и дело приходилось слезать и катить велосипед с усилием по зыбунам. А солнце бушевало. Температура была под тридцать градусов. Дыхание перехватывало от жары. Погода времен наполеоновского нашествия была такой же. И представлялась возможность уже не глазами велосипедистов, едущих из Берлина, взглянуть окрест, а глазами французских солдат...

Да, где-то Москва с прохладными парками и винными погребями... И она будет взята.

Ага, только расплатиться придется сполна, мсье.

Может, как раз этому мсье и не довелось добраться до московских погребов, свернул за хлебом, птицей, молоком в ближайшую деревню и был пробит вилами, еще не обсохшими после навоза. Так и лежал в луже крови и рое мух, и в лицо ему заглядывал любопытный ребенок.

А в те времена леса были еще темнее и гуще, есть где спрятаться и откуда внезапно обрушить партизанскую дубину на «головы беспечных парижан». Хотя они вовсе не беспечные были, опытные солдаты, талантливые офицеры, отлично экипированные и вооруженные. Но крестьяне – смоленские, дорогобужские, вяземские и другие – напали на них со своими косами, цепями и топорами. Из донесения генерала Бараге-Дильера, военного губернатора Смоленщины, обосновавшегося в Вязьме: «Число и отвага вооруженных поселян в глубине области, повидимому, умножается. 3/15 сентября кре-

стьяне деревни Клушино, что возле Гжатска, перехватили транспорт с понтонами, следовавший под командою капитана Мишеля. Поселяне повсюду отбиваются от войск наших и режут отряды, кои по необходимости посылаемые бывают для отыскания пищи. Неистовства сии, чаще происходящие между Дорогобужем и Можайском, достойны, по моему мнению, внимания Вашей светлости». Выделил место в цитате я специально, чтобы дать знать: как раз об этом участке дороги и речь. Цитату взял из «Дневника партизана» Дениса Давыдова, он летал здесь и дальше, возле Гжатска, а потом и под Смоленском, со своими всадниками. Однажды как раз на этой дороге, чуть подальше – под Семлёвом – партизаны Давыдова просто надели флюгера на пики и издали неприятель принял их за польскую кавалерию. И они смогли приблизиться к обозу с новой одеждой, обувью для первого Вестфальского гусарского полка и после короткой схватки захватить его. Пленных, как обычно, отправили в Юхнов. Но перед отправкой к Давыдову зашел поручик Тилинг, храбро дравшийся и раненный, хотя большинство его команды разбежались по лесу. Казаки забрали у него часы и деньги, но тут он был согласен с обычаям войны, а вот о кольце любимой женщины просил. Давыдов: «В то время я пылал страстью к *неверной*, которую полагал *верною*. Чувства узника моего отозвались в душе моей!» И поручику вернули не только кольцо, но и прядь волос, портрет любимой женщины, еще и письма. До 14 года этот Тилинг проживал в Орле и всем рассказывал о поступке Давыдова, «как рассказывают о великодушии некоторых атаманов разбойников», – замечает Давыдов, гусар с поэтическим даром и отличным чувством юмора.

Пленным, попавшим к деревенским мужикам, приходилось много хуже. Поэт и переводчик Каролина Павлова, родившаяся за пять лет до Отечественной войны 1812 года, передает рассказ одного деревенского деда: «Вот, бывало, и наткнемся мы, парни, на одного, возьмем и приведем в деревню;

так бабы-то его и купят у нас за пятак: сами хотят убить. Ну, бабье ли это дело? Одна пирнет ножом, другая колотит кочергой, опять же другая тычет веретеном; инда жалко станет глядя; подойдешь дахватишь его порядком топором по голове. А они-то ну ругаться, зачем, мол, не дал им самим убить до смерти».

Жестоко. Но француз этот или немец, а может, испанец или поляк заставил крестьян похерить богатый урожай той поры и вверг их в голод и лишения. Ну-ка подожгите свой дом да и укройтесь в лесах с детьми, кушайте грибы с ягодами, живите в шалаше, хороните близких и любимых.

Но и мучить пленных нельзя. Много их полегло по обочинам этой дороги. Много и наших.

На дорогах этой войны Денис Давыдов столкнулся с офицером Фигнером, тоже командиром партизанского отряда, о котором шел слух, будто он алчен до крови. И Давыдов убедился в этом сам. Узнав, что у Давыдова заперты недавно схваченные французские военные жандармы, Фигнер тут же вспыхнул и потребовал их на расправу: мол, есть у него еще *не направленные* казаки. Денис Давыдов внутренне содрогнулся от несоответствия этих слов и красивого лица вопрошающего со взглядом добрым и приятным. Мгновенное отвращение, – но Давыдов тактично не называет это мелькнувшее чувство. А мы его испытываем. Давыдов за это время отдал приказ расстрелять двоих, оба русские: один с дворней убил помещика и грабил с французскими мародерами храм, другой служил солдатом у французов. То есть оба предатели. Фигнер расстреливал пленных толпами, и об этом все знали. И офицеры, бывшие у него поначалу сподвижниками, потихоньку оставляли его.

Фигнеру Давыдов не дал пленных и сказал, что понимает смертоубийство в бою, в горячке мщения, но презирает убийцу по расчетам или по своей природе.

В записках далее Давыдов простодушно восклицает: «Я не могу постичь причину алчности его к смертоубийству!»

Вот это простодушие война дорогого стоит. У нас в полку в афганском Газни был свой Фигнер. Но были и простодушные солдаты. Сохранить это простодушие в атмосфере жестокости не так-то легко. Денис Давыдов истинно русский воин, не восхищаться им невозможно.

На следующий день я достиг места очередного крупного боя казаков Платова с французами, а название этого места чудесное и волнующее: Беломир. На столбе указатель: сколько тысяч верст до Парижа, Варшавы, сколько до Москвы. Крест, а над ним облако – белое... Беломир! Перечение слышно любому русскому уху – Беломир, не Беломор, про который Ключев писал: «То Беломорский смерть-канал». Хотя и здесь легли русские люди, сто пятьдесят человек, да примерно столько же пропавших без вести и еще двести раненных. Но Беломир многое обещает.

5.

Вязьма и поворот со Старой Смоленской дороги на Сычёвку. Пришлось минут двадцать ехать по трассе Москва–Минск в грохоте и чаде, ощущая себя мелкой рыбешкой среди огнедышащих исполинов-китов и молниеносных акул. Тяжкие фуры, проезжая мимо, создавали завихрения воздуха и горячо били этими волнами мне в лицо. Не представляю, как можно изо дня в день двигаться на велосипеде по такой трассе. А мои знакомцы Майк и Митти до Москвы теперь и будут крутить педали рядом с бензовозами и фурами с прицепами. Такой же была у них дорога и из Берлина до Смоленска. Я на такой героизм точно не способен.

Но по узкой плохой дороге на Сычёвку тоже с пыхтением пёрли фуры с лесом, песком, зерном и пролетали с визгом различные автомобили. Иногда железные бока машин проходили совсем рядом, и я всей кожей ощущал целеустремленность и жар металла, разогретых шин.

В этом было что-то и увлекательное, ну, в духе дадаистов и сюрреалистов, прославляв-

ших скорость, технику, даже наш Северянин вспомнился с его «шоффэрами»:

«Шелестел молниеносно под колесами фарватер,

И пьянел вином восторга поощряемый шоффэр...»

Хотя мир техники чадящей я и не люблю. Оттого и перемещаюсь на велосипеде или пешком, иногда на байдарке.

Поздно вечером проезжал мимо большой деревни, дымившей розово в закатном свете трубами печными и дразнившей путника вкусными запахами готовившегося ужина... В такие моменты остро переживаешь свою бездомность, выброшенность. И тем сильнее упование. Да, не суфий и не монах, ты уповаешь, как и они, на дороге, багровой от уходящего солнца. На дороге, уходящей в пространство надвигающейся ночи, в сторону северную, к прозрачной луне.

Позади деревня со своими дымами, справа озеро, дальше возле дороги на косогоре кладбище. Из сумерек уже идут машины с включенными фарами. Надо подыскивать место для ночлега, ставить палатку, готовить ужин, а чувствуешь, что вымотался и вообще едва жив после долгой дороги к Семлёву, от туда к Вязьме, дальше по трассе М 1, после жаркого дня. Обгоревшие руки и плечи болят, мышцы ног ноют... Стоит ли путешествовать так? Смотри, как легко и просто проносятся мимо мужчины и женщины в автомобилях с кондиционерами, музыкой. Им обеспечен хороший ужин и комфортный ночлег. А ты бредешь, как пес, мимо селений, ловя любопытные, настороженные, пренебрежительные взгляды. Все-таки фигура странника архаична, будь он из Берлина, или Нью-Йорка, или Смоленска, Москвы. Странник всегда бросает вызов современному миру. И мир это понимает. И отвечает недоверием. словно вопрошает. Ты против прогресса, скорости, науки? Комфорта, душа, газовой горелки, кондиционера, электричества? Против коллектива, в конце концов? Против всей нашей великой цивилизации? И стран-

ник, как бы ни юлил, вынужден честно признаться: да.

Впрочем, велосипед ведь тоже изобретение инженерной мысли, и это техника. А хитроумный японский фотоаппарат? Или тот же плеер. А по вечерам в новодугинских хлебных полях на ремень я натягивал увесистый газовый баллон «Анти-зверь»: крестьянствующий мужик по имени Женя, набирая для меня воду из своего колодца, предупредил, что в округе ходит медведица с медвежатами, и вокруг яблони, стоящей памятником исчезнувшей деревне, было натоптано явно зверем, а палатку я поставил аккуратно возле медвежьей лепехи.

У этого Жени отличный дом у дороги, возведенный своими руками. Он переехал сюда из Белоруссии после Чернобыля спасать младшего сына. Ему посоветовали новодугинскую чистую глубинку. Сынка он таскал на рыбалку, за грибами... Да чернобыльский яд оказался сильнее отеческой любви. В самом ли деле? Как такое случается? Случается. Рассказывая мне о сыне, Женя, дюжий загорелый мужик в клетчатой рубашке, запнулся, примолк на мгновение. Мы взглянули в глаза друг другу.

Нет, думал я потом, отъезжая от дома и колодца посреди хлебных полей, любовь отеческая все равно сильнее – вот она светится страданием в карих глазах крестьянина Жени. И я, случайный свидетель, литератор, в меру своих сил утверждаю ее словом здесь, на этих страницах.

Вижу хлебную даль и в уме сразу материнскую песню напевать начинаю: «Меж высоких хлебов затерялся / Небогатое наше село...» Трагический смысл песни я в детстве пропускал мимо ушей, а вот сказочная подробность – село в хлебах, как в лесах – меня захватывала и волновала. И тут в новодугинской земле удалось наяву пережить некрасовскую метафору, ну, не в полной мере, конечно. С асфальтированной дороги я далеко углубился по хорошим полевым дорогам в спелые хлебные поля, отыскал островок яблонь с пышным букетом желтых

«золотых шаров» и поставил там палатку. Рано утром на восходе в туманце ходил с фотоаппаратом и треногой. Всюду клонились колосья. Кричали журавли. А потом и увидел их, летящих в лучах солнца над хлебами. И внезапно вспомнил, как прослезился Путин, узнавший, что вновь стал президентом этой страны, – эпизод, вызвавший много едких шуток. Я и сам шутил по этому поводу. А в это новодугинское утро подумал, что только идол деревянный не расчувствовался бы: моя страна, необозримая и таинственная.

Но и без всяких выборов и сомнительных технологий она была и моей. И палатка стояла посреди хлебов как некрасовская деревня.

Правда, через некоторое время вспомнил, что здесь частная территория. Только позавтракал, вблизи появился «уазик» в камуфляжной раскраске. Медленно ехал шофер, озираясь. А я стоял за деревом, костерок только что погас, так что он ничего не заметил. Указатели, что здесь частные территории и проезд запрещен, я часто встречал. Но думал, что я и не попадаю под запрет: все-таки велосипед хоть и техника, а не машина, верно? Да, конечно, лучше об этом и не дискутировать с охранниками в полях. Вообще в эти поля я заехал в попытке достичь одного видения, нет, не призрачного, а вполне реального: увидел с трассы далеко в полях белый монастырь не монастырь... не знаю но явно церковь. Объехал село Торбеево из которого когда-то шел французский обоз с награбленными белыми холстами, хлебом, овсом, и фуры эти Денисову напомнили корабли: тут же казаки бросились наперерез и захватили эту сухопутную флотилию. Сейчас в Торбеево привлекает внимание живописная руина – церковь 18 века, поросшая травой. За Торбеевом был поворот в поля в сторону белого видения, но надпись о том, что это частная территория и проезд запрещен, все-таки остановила меня. Но так не должно быть, размышлял я. Неужели путь к храму закрыт? Где-то должен быть объезд. И когда увидел асфальтированную дорогу без всяких

предупредительных знаков ведущую в нужном направлении, свернул на нее. По этой дороге, как уверил меня крестьянин Женя позже, можно до самого Гагарина доехать. А мне надо было приблизиться к той церкви. И я колесил по дорогам и снова наткнулся на предупредительную надпись. Рядом уже проходила железная дорога на Ржев. Тут же стояли два деревенских дома. На лай собаки вышла девочка. Спросил у нее, как мне добраться до церкви.

– Часовни? – переспросила она и махнула на полевую дорогу. – А по ней.

– Но там запрет?

– Езжайте, езжайте! – крикнула она.

Я и поехал. Ну, наверное, запрет не для всех. Не для пешеходов и велосипедистов. Ехать по холму с ветерком было весело. Вскоре и к белому зданию подкатил, внизу увидел озеро. «Монастырь» оказался гостевым двухэтажным домом в белом пластике и с пластмассовой черепицей, возле него такая же часовня. Декоративные фонари. То, что называется «новоделом». Мой интерес мгновенно угас. Стоило столько колесить здесь, чтобы узреть этот пластик! Вокруг ни души. Что-то подобное приходилось видеть под Парижем, в каштановых и дубовых лесах: замок, выкупленный какими-то японцами. Там я тоже был нарушителем, пролез под проволочную изгородь за боровиками – они прямо рядом росли. Просто я не знал еще, что это замковая территория. Я не увидел сам замок и бегущих по зеленой поляне рослых доберманов и быстренько ретировался.

Здесь был примерно такой же достаток и порядок. На озере кричали журавли. Никто меня не окликал, и я повернул и благополучно вернулся на «ничейную» дорогу. Женя потом мне сказал, что эти поля принадлежат московской транспортной компании. Москвичи, по его словам, не лютуют, лично ему не мешают. А часовня у них – он усмехнулся – грехи замаливать.

Выезжая утром после некрасовской ночевки из этих полей и видя вблизи дороги что-то клюющих журавлей, я думал, что такой

способ замаливания грехов и есть наш вариант глобального налога на богатство, лекарства для капиталистического мира, предложенного недавно в своем труде «Капитал» французским левым экономистом Пикетти. Россия занимает лидирующее место в мире по уровню экономического неравенства. И здесь, на благословенных землях Новодугина, мне довелось узреть материализовавшийся вариант Пикетти. Здесь я увидел процветающую Россию. Ясно, что москвичи приезжают сюда отдыхать, охотиться, но при этом работу они дают местным. И земля только хорошеет, сельское хозяйство развивается.

6.

В Сычёвке, точнее уже в деревне сразу за ее окраиной, мой прислоненный к столбу велосипед окружила стайка ребят. И пока я набирал воду для ужина, они теребили звонок, переключатель скоростей, лезли в подшумок с деньгами и ключами. Пришлось на них прикрикнуть.

– А вы путешественник? – спросил один, темноволосяый, смуглый от солнца и высокий.

– Ну да.

– Откуда?

– Из Смоленска.

– Давайте я велосипед подержу.

– Не надо, он тяжелый.

– По-моему, вы просто вещи возите, – заметил другой мальчишка, маленький, шустрый, сивый и с каким-то туповатым взглядом.

Я ответил, что надо же где-то ночевать, чем-то укрываться, и посоветовал ему собрать как-нибудь все, что нужно для жизни на сутки. Но замечание его меня укололо. Иногда велосипед у меня заваливался, и поднимать его приходилось с натугой. Пару раз он вообще вставал на дыбы, полностью опрокидывался на попа, задирая вверх переднее колесо. Ну взбесившийся мустанг.

Разговаривая со мной, ребята прыгали, тузили друг друга, бегали, пели, смеялись, орали и свистели.

– А вы работаете или отдыхаете? – спросил тот же сивый мальчишка.

– Отдыхаю.

Он не поверил, мотнул головой:

– Не-а! Отдыхают там, где дельфины.

Я взглянул на него внимательнее. Он снова придурковато лыбился.

– Ну, кто как, – неопределенно ответил я и попрощался, покатил велосипед на обочину, сел.

– А когда вы снова к нам приедете? – крикнул тот мальчишка.

– Не знаю, – ответил я и покатил дальше, к Истоку.

Нетерпение мое росло. Сорокалетняя мечта готова была осуществиться. Реплику сычевского мальчишки насчет вещей я потом не раз вспоминал, стаскивая рюкзак с багажника и принимаясь вынимать мешки или отдуваясь после подъема на холм. Ну, а его замечание о дельфинах вообще было поэзией и перекликалось с древнеримским обозначением неизвестных мест на карте, белых пятен – «Там, где львы».

И к одному из этих мест я приближался. Дорога была полуасфальтированная. Асфальт то исчезал, то появлялся. Бурно пылили грузовики, и я порою ехал в афганском облаке: там такая пыль обычна, ну, даже поплотнее. Название деревни Муковесово скрипело белой пылью на зубах. Дальше шли Ключики, упоминаемые смоленским писателем Евгением Максимовым. Он родом из этих мест и всячески их прославлял. Я смотрел на сирую деревню Ключики за пыльными кустами и буераками, на другие совсем не нарядные, как на Старой Смоленской дороге, деревни, серые, почерневшие, полуразрушенные и дивился силе писательской любви. Впрочем, возможно, во времена Максимова, в советские времена, тут было все по-другому? Ну, вряд ли намного лучше. В этих местах, в деревне Бехтеево, учительствовал мой старший брат Игорь. Жил он там, как в ссылке. Рассказывал, что тоскливее земли не видел. Серая и бедная земля

И ровная, плоская. Никакого намека на возвышенность. Потому и дороги здесь преимущественно прямые, без резких поворотов, спусков и подъемов. Вокруг Сычёвки леса выведены, и если смотреть на город с западной стороны, то можно подумать, что попал в монгольские степи.

Мимо то и дело проносились грузовики с песком и гравием. Как потом выяснилось, дорожники срочно ремонтировали дорогу: 29 августа ждали приезда всяких гостей и Патриарха Кирилла на освящение монастыря на Истоке. Я уже досадовал, что выбрался именно в эти дни. Да информация об этом визите Патриарха была гадательной: может и не явится. Ну вот и глотал теперь сычевскую пыль.

Проехал мимо Бехтеева. Дорога углубилась в леса. Справа показалось мрачное болото с деревьями-скелетами.

Наконец – Бочарово. На обочине стоял старик в камуфляжной жилетке и такой же широкополой шляпе. Остановился, спросил у него, сколько до Истока. Он ответил, что километров шесть и посмеялся:

– Хе-хе, а что исток, исток? Ну, ямка с водою. Исток.

– Это для вас, местных, – возразил я, – ничего особенного. Это же начало Днепра.

Он кивнул как бы нехотя. Познакомились. Звали его Валентин, он сказал: «Валя», – подавая руку. Валентин здесь родился, уходил отсюда в армию и, вернувшись, до старости работал шофером. От предложения сфотографироваться отмахнулся. На дорогу он вышел за хлебом, должна вот-вот приехать автолавка. Ну и стоял, смотрел на разные машины, и такие и сякие... В этот момент мимо проехали лимузины в сопровождении двух полицейских машин, в которых сидели полицейские в белых рубашках.

Валентин усмехнулся, подмигнул:

– А-а, видал? Шебуршатся. Говорят, Путин прилетит.

– Путин?

Он кивнул, приподнял шляпу, почесал голову.

– Останье там на эти дни и увидишь, – по-советовал он.

Но я собирался уже на следующий день начать отступление. Переночую где-нибудь возле монастыря и покачу обратно. Сегодня было только 25 августа. Суета на дороге меня раздражала. Я даже начинал опасаться, что могу вообще не попасть на Исток. Да запросто! У нас все возможно. Перекроют подступы полицейские и солдатские посты, и всё. Дело государственной важности.

Разве такой я воображал кульминацию этой дорожной – не симфонии, конечно, – песенки? Кстати, плеер как-то быстро разрядился, и я перестал его слушать, сберегая последний кубик энергии на Борзнянского. На Истоке его духовные гимны и прозвучат, полагал я. А может, кубика хватит еще и на других, на Сильвестрова, на Скрябина и Шостаковича. Это будет мой вклад в подспудную работу замирения России и Украины. Кто знает, возможно, эта работа должна идти на всех уровнях, вот и на таком, лично-символическом тоже.

...И внезапно, все-таки внезапно и просто, дорога вынесла меня прямо к монастырю. Затормозив, я озирался. За бревенчатыми стенами виднелись шатровые крыши с крестами. Налево зеленел сосновый борок, направо рыжела землей и песком очищенная от деревьев и кустов обширная площадка, на которой возлились люди и техника.

Где Исток? Днепр? Таков был вопрос всего моего существа. Ведь, похоже, я доехал? Сорок лет и семь дней добирался – и вот... Вот я на куполе славянской земли. Ощущение выпуклости и высоты этой местности было отчетливым. Помешкав, завел велосипед за ворота, прислонил к стене.

Здесь всё было деревянное, сосновое. Крепкие избы-кельи, трапезная, странно-приимный дом, звонница, храм. Дерево звонницы и храма уже потемнело, началось строительство на Истоке, по одним сведениям, в 2008 году, по другим – в 2010. Несколько лет совершавшие сюда паломничество люди видели только звонницу и храм.

А сейчас желтели вокруг свежее бревна стен. Через монастырь вели дорожки к часовням над купелями. К самой купели проложены деревянные мостки с резными перилами. С этих мостков меланхолично сметал облетевшую желтую листву берез мужчина средних лет в рубашке, брюках, с бородой.

– Там Исток? – спросил я.

Он посмотрел мне в лицо и ответил, что там, продолжая сметать листву.

На Истоке толпились какие-то люди в костюмах и священническом облачении. Мужчина объяснил, что это москвичи из патриархии и местный батюшка согласовывают церемонию. Не утерпев, я сказал ему, что много лет ждал этого момента, но сейчас на Исток не пойду, подожду, пока там никого не будет. Заодно спросил у него, где мне взять питьевой воды?

– В трапезной, – ответил он. – Давайте я вам и принесу.

Я снова пошел осматривать монастырь. Молодой полицейский в белой рубашке отвечал какому-то начальнику по телефону, говорил, что он совершенно согласен, да, надо будет поставить куда-то дополнительный пост, но замечал, что у него полно забот: в Карманове труп – сбитый мотоциклист. Тут я вспомнил железные огнедышащие бока фур и невольно поежился... Жаль неведомого этого парня на мотоцикле.

Накопец делегация тоже вернулась на монастырский двор, и я устремился по мосткам к Истоку.

Да, к Истоку.

И вот он. В часовне я заглядывал в купель, там отражалось смутное и как будто далекое окно. В этом было что-то сновидческое.

...Но и чувства и мысли мои были неясны. И я понял, что сейчас не время для медитаций на Истоке. Монах в мирской одежде, а это был монах, присланный сюда на житие и на мой вопрос, по своей ли воле, отвечавший, что у него нет своей воли, принес мою канистру. Поблагодарив его и умыв лицо на Истоке, я вывел велосипед за монастырь и отправился по увиденной раньше лесной до-

роге. Отойдя от монастыря примерно на километр, свернул прямо в лес, сбивая с усов и бороды, с шеи, рук крылатых клещей. Обычно такие и водятся в ельниках.

Воду в монастыре берут из пробитой скважины здесь же, поэтому можно считать ее водой Истока. Так что ужин у меня был на особенной воде, чай и каша с топленным маслом, жена купила пачку сливочного и в кастрюле перетопила его. Думаете, что-нибудь есть вкуснее днепровской пшеничной каши с таким маслом?

Послал жене в Смоленск смс: «На Истоке». Она ответила: «Ура!»

И лежал в палатке, прислушивался к лесным вечерним звукам, с недоверием думал: неужто и вправду на Истоке?

Пора было слушать Бортнянского песнопения. А ничего не вышло. Дудки, как говорится. Последний кубик сохраненной энергии растворился, исчез без следа. И лежал я в тишине, пытаюсь сообразить, что же это значит? На Истоке надпись на деревянной доске на двух языках: «Остановись, путник. Ты находишься у истока великой реки Днепр. Береги ее». И на украинском: «Зупинись, подорожній...» А музыка молчала. Выдохлась. И белорусской надписи здесь почему-то не было. Беларуской – надо поправиться в соответствии с новыми правилами.

Да, было тихо над ночной купелью рождающейся реки. Молчала макушки елей, звезды и полная луна. Миссия моя проваливалась. Техника подвела. Вот недаром странник все же движется в обратном направлении, в архайку, подальше от всех достижений науки и техники. Не так все прочно, как кажется. И надо было выучить песнопение-то. Слово и напев мысленный прочнее.

Хотя вон надпись еще есть, жива, ее читают... Как жива память и о нашем общем Истоке – Древнерусском государстве Киевская Русь. Жива или не жива?

«Зупинись, подорожній. Ти знаходише білу витку великої ріки Дніпро. Збережи її».

Збережи її, збережи...

А выгодно ли беречь?

Встал я до восхода, двумя пригоршнями воды умылся, повесил на одно плечо сумку с фотоаппаратом, на другое штатив, на ремешок баллон против зверя и потопал по дороге к монастырю. Даже в такую сушь там стояли изумрудные лужи. Ближе к монастырю на дороге появился темный длинноухий силуэт зверя – зайца. Заяц сидел, прядал ушами. И только потянулся я к фотографической сумке – или к баллону?! – пустился наутек.

На Истоке хотел застать туманец, все последние утра туманились. Днем ярое солнце, ночью довольно прохладно, один раз утром на палатке была даже изморось. Но продолговатое зеркало воды перед часовенкой было без тумана. Приблизившись к часовне, почувствовал запах соснового сруба. Там всюду этот чудесный здоровый солнечный дух сосновый.

Достал и зажег свечу, привезенную дочкой Настей из Иерусалима, чтобы запечатлеть свет метафоры Днепр – наш Иордан над смоленской сичевской водой.

Никого вокруг не было. Свежо и хорошо.

Если река – метафора времени, то купель в ее истоке есть некая остановка времени, ну или его замедление при возникновении. И тут появляется возможность словно бы коснуться первоначальной чистоты времени. И делать это надо как раз ранним утром. Начало реки, начало дня.

Обновление времени Мирча Элиаде видел в праздниках. Праздник приближает нас к мигу творения, это сияющий разрыв в буднях. Религиозный человек, говорит Элиаде, испытывает всегда тоску о жизни в чистом и святом космосе, каким он был изначально, когда только вышел из рук Создателя. И в храме и в празднике он как раз и получает возможность испытать чувство приобщения к этому священному космосу.

Священное время не течет, не составляет протяженности, не изменяется и равно себе, утверждает Элиаде.

И, следовательно, добавим мы, это – купель. И вот она здесь, среди сычевских чащоб Оковского леса.

Утро на Истоке и есть праздник.

И словно бы в подтверждение этого простого умозаключения над лесными макушками и монастырем полетели страстные и глубоко печальные, но и ликующие клики журавлей. Журавли всегда приветствуют явление солнца.

И точно, буквально в следующий миг облака озарились, а потом окрасились нежным утренним светом и верхушки сосен, стволы. Сердце фотографа дрогнуло. Дивный свет обрамлял запертые изнутри врата, ведущие на Исток, как будто солнце прямо на монастырском дворе и всходило.

И любой, даже не религиозный человек, не ищущий, по Элиаде, всегда Центр Мира, исток абсолютной реальности, не беспокоящийся о жизни в профанном пространстве, короче, самый мирской и обыкновенный человек ощутил бы торжество этих минут...

Тут как раз врата открылись, и на мостки вышел высокий дюжий мужик, немного похожий на осетина. По-русски он и говорил с акцентом. Он шел и осматривал мостки, заглянул в часовню, оглядел купель. Иерусалимскую горевшую свечку не заметил. Поздоровался со мной неохотно, хмуро. Я спросил, нельзя ли пройти в монастырь фотографировать? Он покачал головой и ответил:

– Нет. Еще не открыто.

– Когда откроется?

– В восемь.

– Не будет такого света, – заметил я.

Он кивнул и сказал, что понимает меня.

– Но вы-то открыли и вышли? – спросил я.

Он как-то стерто взглянул на меня и ответил:

– В восемь часов, с главного хода.

И пошел по мосткам в монастырь. Что ж, здесь не было еще своего Герасима Болдинского, завещавшего привечать странников, решил я и удовольствовался фотографированием сосен, мостков, часовни. Да солнце уже и в облака ушло. А свечка иерусалим-

ская все еще горела, отражалась в днепровской воде.

Вся наша ранняя история – здесь, ею можно наполнить сложенные ковшом ладони. Варяги, идущие по Днепру вниз, к Киеву, варяжские потомки Игорь, Олег, уходящие на ладьях еще дальше – к вратам пышного Царьграда, наречение Киева матерью городов русских, свержение идолов князем Владимиром, гибель первых канонизированных святых Бориса и Глеба... Да и письменное слово, то есть дело монахов Кирилла и Мефодия, по Днепру возшло – из того же Царьграда, в Гнёздове под Смоленском самую раннюю надпись на русском языке, процарапанную на корчаге – «гороушна» (что значит: горчичное семя) – и нашли. Были еще и другие события на Днепре, воды его не раз пенились кровью и служили столбовой дорогой русской цивилизации. И начало ее – здесь, в болотце у бывшей деревни Рождество.

8.

Искать колодец в травах выше роста человеческого на месте этой деревни меня послал иеромонах Евфимий. С ним я познакомился тем же днем. На Истоке решил задержаться еще на сутки, чтобы застать восход солнца, не заслоняемый облаками, как в это утро.

Евфимий, невысокий, синеглазый, смуглый, длиннородый и длинноволосый монах сорока лет, быстрый и говорливый, исполнял обязанности настоятеля. Взойдя на высокое крыльцо и попав в храм, я увидел его там, начал расспрашивать о монастыре, о предстоящем событии освящения, спросил, можно ли фотографировать. Евфимий позволил. О монастыре он сказал, что все, кроме храма и звонницы с часовой над купелью, возвели буквально на глазах – в три месяца. Сейчас здесь служит он, иеродиакон Стефан и матушка Татьяна, присланная из Троицкого смоленского монастыря кашеварить. Потом всех, кроме Стефана, заменят постоянными насельниками.

– И вас?

– Скорее всего.

Как и прежних туристов – я это видел, – отец Евфимий, разговаривая, вывел меня на двор, по дорожке довел до врат, то есть провожал, как добрый хозяин. Здесь мы остановились. Но я не думал так рано уходить, мне еще надо было набрать воды в пластмассовую пятилитровую канистру, дожидаться вечернего света, чтобы фотографировать. Поняв, что я так просто не уйду и что я турист не на автомобиле, Евфимий повел меня снова на двор. Мы быстро перешли на «ты».

Путина здесь не будет, узнал я, прилетит Патриарх Кирилл. Сейчас все готовились с удесятенной силой к этому событию. За стенами грохотала техника. Что-то делали рабочие. Я переговорил с ними. По-русски они изъяснялись с акцентом, были все чернявые от природы да еще и от беспощадного нынешнего солнца. Бригада украинцев. А тот «осетин» тоже украинец. Увидев меня снова, он спросил, получились ли кадры. Я ответил, что приехал на велосипеде, а компьютер не взял, побоялся на багажнике растряссти. Так что не знаю еще, какие кадры.

– Придете завтра утром? – спросил он. – Примерно в то же время? Я открою.

Снова я убеждался, что настойчивость рано или поздно принесет свои плоды.

С о. Евфимием мы прошли по мосткам к купели.

– Вот прилетит святейший, – сказал он, – глянет, а тут какие-то коренья плавают, ржа.

В купели действительно плавали корешки, желтая листва и рыжие сгустки.

О. Евфимий вручил мне сачок на длинной алюминиевой рукояти.

– На, потрудись для монастыря, а я сейчас приведу братию, будем вычерпывать муть. Цепочкой встанем с ведрами.

И я принялся черпать Днепр Изначальный этим решетом. А березы при порыве ветра сыпали да сыпали свои монетки. На календаре 26, до прилета Патриарха еще три дня, – что толку вычерпывать листву? Тут мне вспом-

нились какие-то армейские анекдоты, и я рассмеялся. Пришел о. Евфимий с каким-то неизвестным широкоскулым батюшкой примерно его лет, только рыжеватым, с небольшой бородкой, нес он пластмассовую бадейку из-под какого-то средства для покраски или замазки. Я поделился своими впечатлениями. О. Евфимий согласился:

– Красили и привязывали листву перед генералом?

– Что-то в этом роде. Только не мы, у нас была степь и верблюжья колючка.

– Ладно, за дело! – скомандовал о. Евфимий.

И мы втроем выстроились в цепочку, но быстро отказались от этого занятия. В-первых, ржавые сгустки всё всплывали и всплывали из глубины. В-вторых, от бадейки пошли радужные разводы. Оказывается, в ней хранили керосин. Так мы запачкали Исток.

– Я все хорошенько промыл «Ферри», – оправдывался тот рыжеватый.

– Много в воде железа здесь, – рассуждал о. Евфимий. – Спустить бы всё, прочистить, посыпать песком. Но они шлюз не придумали. Ну, все как обычно у нас! А эту воду придется братии пить. Фильтры ставить? Дорого. Что делать? Потроха проржавеют!

И тут-то ему и пришла мысль поискать старый колодец в бурьянах бывшей деревни Рождество. Любопытно, что название деревни ни ему, ни другим в монастыре было, кажется, неизвестно. Впервые его произнес местный охотовед.

Отец Евфимий уже знал обо мне, что я работал лесником на Байкале, и потому поручил поиск колодца мне – как следующее задание для монастыря.

– Ты следопыт, – сказал он, – вот и пойдешь погляди. Мы его прочистим. И будет вода у братии. Да смотри сам не провались. После приходи на трапезу.

Я и пошел, горя желанием колодезь отыскать и славу байкальских лесников утвердить. На месте деревни бурел бурьян. Торчали столбы без проводов. Угадывались

одичавшие сады. В рощице стояли кресты и обелиски.

Жарко было. Продираться сквозь травы, спотыкаясь о кочки, рытвины, обломки бревен, отмахиваясь от тех же крылатых клещей, было не радостно. Запах мой быстро улетучился. Но все же я не хотел отступать, лавры открывателя колодезя с чистой водой мне так и мерещились. Даже у преподобного Герасима попросил подмоги. С самого Болдина мысли о нем сопровождали меня.

В глотке пересохло. По лбу катились градины пота, рубашка взмокла, горели локти от крапивы... Но все равно продолжил бы поиски, как вдруг меня осенили две идеи. Первая – так вода в колодце будет такой же, как из скажины. Вторая – если и упорствовать в поиске колодца, то делать это надо осенью, когда полягут заросли.

Задание о. Евфимия я так и не выполнил и потому, набрав у рабочего, поливавшего в монастыре саженцы из шланга, воды, постарался незамеченным исчезнуть. Не заслужил-то трапезы.

Трапеза у меня часом позже была своя: молочная овсянка, чай с изюмом и конфетами и сушками. Хлеб закончился. Ничего, завтра сфотографирую восход прямо в монастыре, отправлюсь в обратный путь и в тот же день достигну хлебных мест.

9.

А ночью пошел дождь. Проснулся и услышал шелест, а потом и характерные барабанные по тенту палатки удары. Лежал и думал. Неужели о. Евфимий в самом деле не хочет здесь быть наместником? А он об этом говорил. Не хочет быть хозяином этого сакрального места русского мира?

Грех уныния о. Евфимию как будто и неведом. Ходит и напеваает. Есть в нем какая-то светлая легкость и открытость. Производит впечатление человека, однажды решившего свои проблемы. То есть сделавшего свой выбор?

Но и я, как говорится, недостойный, тоже сделал свой выбор. А что толку? Меня муча-

ют сомнения, иногда градус этих борений вырывается за красные отметки. Этой просветленности нет во мне и подавно. К пятидесяти пяти годам я думал обрести уверенность и кое-какое спокойствие. Ничуть не бывало. Ну и какое спокойствие может быть, если эта книга, для которой я и напишу последний очерк о поездке к Истоку, уже третий год пылится в издательстве? Или так и должно быть, судьба тормозила выход книги до появления последнего очерка? Ох-хо, судьба тормозит и выпуск книги о местности Твардовского, хотя книга переполнена очерками и фотографиями и полностью завершена. Ну и так далее.

...А я продолжаю искать колодезь.

Утром в сыром пасмурном лесу на кофе прибежала белка, прискакала по земле. Глянула черными глазенками и метнулась прочь.

В монастырь не пошел, нет солнца. Отспался. Что же делать, уезжать? А жаль. Нет, не поеду сегодня. Пойду в Дудкино. Сколько смотрел на карту, изучал линии дорог, речек и точки населенных пунктов, среди которых Дудкино – главный. Из-под Дудкина начинается Днепр. Хотя на самом деле от деревни Рождество, но ее уже не было на картах.

Вымыл котелки, взял рюкзачок с фотоаппаратом, на плечо повесил треногу, застегнул вход палатки и пошел, стараясь на дорогу выходить, не примяв травы. Палатка моя поблизости от лесной дороги, а попробуй найди.

Под мелким дождиком шагал, озираясь. Да, здесь чувствовалось дыхание огромных лесных массивов, чистых легких Оковского леса. По дорогам можно до истока Западной Двины дошагать. И – до Волги. Какие-то похожие чувства испытывал посреди таежных пространств. Но таежные пространства почти начисто лишены исторического измерения. Иди вдоль рек, взбирайся на хребты и хорошо, если набредешь на останки стойбища, полуразрушенное зимовье. Вынырнуть из пространства истории тоже полезно и поучительно. Но исторические меты дают

больше пищи уму и воображению. Как волновались французы Наполеона, узрев в пещерах пирамиды!..

...Слева от дороги в травах серела монолитная глыба. Дот. Башня смерти, едва возвышающаяся над землей и вперившая косые узкие глазницы в немые дождливые поля и стену леса за ними. Вход чернеет. Согнулся и влез внутрь. Полукруглое маленькое помещение. Три щели: бей врага и умри там. Звукопроводимость бетонной конструкции, пронизанной железной арматурой, очень высокая. При попадании снаряда контузия неизбежна. И повреждение внутренних органов, как пишут в справочниках. А если снаряд попал близко, то мог и просто скovyрнуть дот, как хирургический инструмент – зуб. Дот вылетал из земли, заваливался и становился гробницей для расчета. Может, этот дот был достаточно тяжел и глубоко укоренен в земле.

А вот сейчас просядет земля, обрушится вход... Немного поспешнее, чем надо, выбрался наружу, вдохнул лесной сырой воздух.

Обошел дот, осматривая ржавые ребра арматуры, оббитые скулы. Дот напоминал рыцарский шлем. Низко плыли тучи, мокли березы, желтела тускло пижма, посвистывали снегири.

В этих местах шли кровавые бои сначала при наступлении немцев, а в сорок втором году, начиная с января, при наступлении наших: Ржевско-Вяземская операция и две Ржевско-Сычѳвские операции. Ржев артиллерия смела почти начисто, наша артиллерия... А что было делать? Погорела и Сычѳвка. Немцы выжигали округу, угоняли народ, при малейшем намеке на связь с партизанами расстреливали и вешали. Партизанскую сагу дорогобужских и ярцевских лесов написал смоленский прозаик Сальковский, «Смоленская дорога» называется. Огненная книга. Сведения для нее сельский учитель Сальковский собирал вместе с учениками в походах по лесному Вадинскому краю, то есть поблизости от Истока.

Здесь воевали солдаты 119 Красноярской стрелковой дивизии. Девятого октября немцы захватили Дудкино. А в ночь с десятого на одиннадцатое октября наши выбили их из деревни. В этом бою погиб комбат 634 стрелкового полка дивизии Иванов.

Потери наших войск в этих трех операциях были огромны и, по некоторым данным, перевалили за миллион человек. Из них безвозвратные потери, то есть число убитых и умерших от ран, попавших в плен и пропавших без вести, составили 362664. Потери немцев были меньше. Ржевские сражения сравнивают со Сталинградской битвой. Дллись они в общей сложности 14 месяцев. И сквозь все эти факты и цифры до нас долетает тихий голос бойца: «Я убит подо Ржевом, / В безымянном болоте...» Первым этот голос услышал Твардовский.

Сычѳвская земля набита железом... Тут же мелькает догадка: так вот почему вода такая... Хотя и ясно, что не поэтому.

Мой старший брат Игорь работал директором школы в Бехтееве неподалеку отсюда, и его ученики подорвались, разбирая снаряд, двое погибли, один стал инвалидом. Игорь уволился и уехал.

То есть – и через десятки лет эта война способна находить жертвы.

Оказалось, что дот стоит напротив деревни Дудкино.

Дудкино!

Я смотрел с дороги на первый дом с выбитыми окнами. Пошел по заросшим косям. Остальные дома тоже пустые. Колодец под яблоней. Не знаю, думал я, растерянно озираясь, мне представлялось все другим. Воображал, что Дудкино где-то на холме... Что-то в духе псковских и вообще древнерусских картин Рериха. А настоящее Дудкино зажато лесом. Печальные покосившиеся избы вытянулись вдоль заросшей улицы. Нет простора, никакой летописной сказочности. Вдруг за последним разрушенным домом увидел крепкий и явно обитаемый дом, за ним и второй, и еще яркий вагончик, мачту. Вспомнил, что читал о живущем то ли в Дуд-

кине то ли в Лесных Далях обходчике газопровода. Так вот – здесь он живет. И кто-то еще. Подумал: заходить или нет? Ну, если бы сам здесь жил, хотел бы, чтобы случайные прохожие докучали мне, лезли с вопросами и фотоаппаратом?

Повернул и пошел назад. И еще несколько километров шагал по прямой дороге среди сычевских ольховых, березовых джунглей и болот, слушал тоскливые крики черного дятла и чувствовал, как дорога увлекает все дальше, затягивает. Может, по ней бы и катил байдарку на двухколесной тележке, чтобы с Днепра перевалить на речку Обшу, по Обше на Межу, а по той речке уже в Западную Двину – и до Велижа. Был такой план, как теперь вижу, вполне маниловский.

10.

Вечером, как обычно, взял канистру и топтал в монастырь за водой. Тучи свалили. Светило солнце. «В монастырь за водой». Звучит как начало какого-нибудь хокку в духе Басе, много странствовавшего и часто ночевавшего в монастырях, как и другие дальневосточные пииты – Ли Бо, Ду Фу. Вот сразу вспомнил из Ли Бо: «Ночую в покинутом храме, / К мерцающим звездам / Могу прикоснуться рукой...» Хотя тут речь и не о монастыре.

Мысли мои обратились к монастырю, его обитателям. Каково им тут жить в глуши? И в чем состоит их дело? Молиться, поститься, есть хлеб... Да нужны ли вообще монастыри? Не прячутся ли здесь неудачники?

Мысли замелькали еще мельче. О деньгах и собственных неудачах, пошли обиды на мир, претензии... И в сердцах я воскликнул про себя: «Да сколько можно!» И решил настроиться на высокий лад. И только начал читать «Отче наш», как из-под кустов обочины в чашобу ринулся черный кабан. Бежал, злобно чухая. Бросок зверя был столь неожиданным, что я так и не вспомнил, вслух или про себя произносил первые слова молитвы. Стоял и глядел вослед черному раздраженному зверю, кабану, дикой свинье... Свиньи

из евангельских притч не могли не прийти в голову.

Совпадение? Да, конечно. Но Карл Юнг к таким совпадениям предлагал относиться со всей серьезностью, полагая, что природа их запредельна и связана с явлением архетипов.

Мгновение было метафорически ярким. И с черным кабаном, яростно убегающим от молитвы, что-то явно совпадало во мне, в моей душе.

Неужели однажды всё скверное и злое может вот так же ринуться из твоего сердца прочь?

А может, уже и ринулось... Только теперь надо удержать это чувство освобождения. То есть – потрудиться. Ведь захватить какую-то высоту – поддела, а попробуй отстоять ее.

Ну, по крайней мере, происшествие настроило меня на посещение монастыря.

В храме шла служба, пение доносилось из открытой двери. Прежде чем подняться туда, я решил сразу набрать воды у поливальщика саженцев, чтобы потом уже не беспокоиться. Поливальщик был уже не украинец, а явный таджик. Он взял мою канистру. В это время из храма поспешно вышла смуглая кареглазая женщина в платке и устремилась ко мне. За нею бежала девочка.

– Вы не Валера?

– Нет, – ответил я.

– Мы ищем Валеру, звонила его жена.

– А кто он и что случилось?

– Москвич, турист. Два месяца как отправился сюда с байдаркой, из Дудкина его повезли на тракторе.

– Куда?

– На речку Обшу. Оттуда он собирался выплыть...

– На Мережу? И потом на Западную Двину?

Она быстро взглянула на меня.

– Да. Но вы путешествуете?.. Сказали, что у него такая же борода. Пропал, и никаких вестей.

Вместе мы вошли во храм и стояли службу. Еще здесь был муж или какой-то род-

ственный женщины и девочки. Службу свершили отец Евфимий, отец Стефан и матушка Татьяна, женщина со строгим и каким-то холодным лицом. Впервые мне пришлось быть на службе в деревянном храме. Стены сочилились сосновым ароматом, а еще и отец Стефан кадил. В церковном облачении я его видел впервые, и он показался мне старше и серьезнее. Как, впрочем, и отец Евфимий.

Свет солнца входил в открытую дверь, горели свечи. Служители, видно, еще не приладились друг к другу и порой запинаясь. Отец Евфимий руководил. Было во всем этом что-то бесконечно теплое и домашнее. Наверное, тут снова срабатывали токи архетипические, дерево – материал древний, изначальный. Раньше только такие храмы и вставляли в глухих лесах Верхнего Днепра, Верхней Волги и Западной Двины.

И сейчас служба шла посреди лесов на вершине славянского мира, во все стороны разнося благую весть вместе с реками, как о том сказано в летописи: «Днепр бо потече из Оковскаго леса, и потечет на полдне, а Двина ис того же леса потечет, а идет на полунощье и внидет в море Варяжское. Ис того же леса потече Волга на восток...»

Такая служба уже, наверное, никогда не повторится.

После службы фотографировал луну над монастырем. Рабочие счищали песок с плитки, ждали, когда подъедет автобус. Они базируются в Новодугине. Таджики. Украинцы уже уехали. Работают с декабря. Платой довольны. Кормят хорошо. Все новое, кроме храма, звонницы и часовни, возводили. Это их рук дело. Здесь никто не возмущается засильем гостей из бывших советских республик. Московские и питерские и прочих градов российских националисты всех мастей, ура-патриоты и не подумали ринуться в эту глушь на своих мотоциклах и автомобилях, чтобы перехватить у таджиков и украинцев ломы и лопаты, топоры, молотки, стамески, а по сути – завладеть пальмой первенства в таком-то нешуточном деле –

строительстве православного монастыря на истоке великой реки.

Таджики совсем плохо говорили по-русски, лишь один с золотыми зубами все точно понимал и переводил остальным. Но работали с тщанием.

Пожелали друг другу удач и разошлись.

В свою палатку я шагал при свете луны.

11.

На следующий день погода была ясная. Очнулся в половине шестого, глянул наружу: ясно. Вскочил, торопливо собрался. Заспался немного. Журавли кричали. Вот-вот взойдет солнце, а мне еще надо дойти до монастыря.

На этот раз ворота открыл седой синеглазый худощавый мужик с перебитым носом, тертый, с затаенностью. Истопник. Он вышел покурить, на дворе-то нельзя. На вопрос, можно ли войти пофотографировать, взглянул слегка удивленно и кивнул.

На календаре уже было 28 августа. Сначала меня удержало здесь солнце, а потом... потом соображение о том, что надо получше осмотреться – ведь столько лет сюда добирался. Ну, а тут уже и торжество подоспело – 29 августа малое освящение Владимирского храма. И открытие монастыря. Не каждый день такие события происходят.

Вечером привычно пошел в монастырь за водой и разговорился с о. Евфимием. Хотя накануне праздника у него забот хватало. Но как-то дела затормозились, и мы сели посреди монастыря на скамейку. Иеромонах Евфимий рассказал немного о себе. Мне интересно было, как он стал монахом.

– Как? Как?... Да так. Об этом не скажешь. Это случается внезапно. Вдруг озарит, ну и все, дальше уже просто надо подчиняться этой воле. Тебя ведет, – говорил он, светло на меня взглядывая.

С двух лет он жил в Дорогобуже. И пешком ходил в Болдино, нравилось ему там, озеро, монастырь. И брат с ним.

Но до времени шел путем обычным, мирским. Учился, занимался боевыми иску-

ствами и кое-чего добился на этом поприще. Прислаивали в армию и отправили воевать в Чечню.

Отвоевал, вернулся и поступил в сельхозакадемию. И посреди студенческих веселых хаотичных деньков судьба и сверкнула чистой гранью. И вдруг он понял, что на самом деле все это веселье – фальшиво-тягостное, и нет спасения от тоски. Так и явилось решение стать монахом. Рассказывать и писать об этом, конечно, досужее занятие. Действительно, не расскажешь. Это надо пережить. Окончив семинарию, отец Евфимий служил в любимом Болдинском монастыре, восстанавливал Климовский Покровский мужской монастырь на Брянщине, служил в Москве, сейчас – в Вязьме, в Спасо-Преображенской церкви.

На мой вопрос о наместничестве здесь он отвечал, что, конечно, понимает всю значимость этого монастыря, но и знает хорошо, что такое монастырское хозяйство в глуши. Коротко говоря – ему любы молитва и служба в храме, общение с братьями, а не выбивание техники, средств.

– Это сейчас всё тут кипит, тракторы гудят, – бросил он. – А через два дня ничего не будет. Лесная пустынь, и всё. С той же водой проблема... – Он посмотрел на меня. – Ты так и не нашел колодец?

– Нет.

На вопрос об отдаче в его служении, о воле признательности, идущей от людей, он ответил резкой соленой армейской шуткой: мол, какая там признательность людская!..

В это время мимо шла монахиня Татьяна. Приостановившись, сказала, что видела меня с фотоаппаратом и треногой рано утром.

– Когда вы спите?

Ответил, что ранний свет самый лучший, его и спешил застать... И не решился достать фотоаппарат прямо сейчас, чтобы запечатлеть удивительный свет ее улыбки. Да она уже уходила, спешила к трапезной и кухне. Встал и отец Евфимий. Пригласил позже прийти на ужин.

Оглянувшись, увидел таджиков, навдивших последний лоск перед завтрашним событием. Поговорил с ними. Они завершали свою миссию здесь и уезжали возводить новый объект – дом для престарелых в Днепро-ском.

Прислушиваясь к нашему разговору, неподалеку стоял истопник. С ним я разговорился позже, попрощавшись с таджиками. Познакомились. Михаилу пятьдесят шесть... От предложения сфотографироваться он отказался. Но не уходил. Мы продолжили разговор.

– Отслужил срочную, – говорил глуховатым голосом курильщика Михаил, – пошел шоферить... Смотрю: все пьют, просвета нет... А тут где-то объявление о наборе в Чечню, там началась первая война. Собрал рюкзак. Мать: куда? Да так, в поход. И уехал контрактником, сел за руль «Урала», было мне тогда тридцать пять, все звали дедом.

– Слушай, так и отец Евфимий в первую чеченскую воевал.

Миша вскинулся:

– Да?. . Не знал. Не знал. Надо будет про Ханкалу у него расспросить.

– Ну и как оно – контрактником? – спросил я, заметив, что и сам нюхал порох на срочной службе в Газни.

– Как? Граната карман брюк протерла до дыр.

Ясно, контрактников чеченцы не щадили.

– Всякое случалось, – говорил Миша. – Приезжаем после обстрела в дороге, парень спрашивает: чего это там торчит? Чего? Смотрю: граната в кабине застряла, не разорвалась, передумала взрываться... Однажды по лесу идем с товарищем – навстречу бородастый. Держим мы его и он нас. Но у нас два дула. И тут он присмотрелся и говорит: э, да не ты ли? Тут и мне померещилось: знакомая личность. Ну, точно, установили: служили. Поговорили так на расстоянии. Чё будем делать, расходимся? Он спрашивает. Да, конечно, а чё еще делать? Разошлись.

Вспоминаю, что у моего тестя был похожий эпизод с немцем, только они не знали друг

Друга, просто поняли, что одновременно нажмут на курок – и все, победителя не будет, развернулись, как по команде, и прочь. А вот наш кэп в Газни Кравченко тоже был знаком с противником, действовавшим в округе – Саидом, они вместе в Военной академии Фрунзе учились. Саид как-то на день рождения прислал кэпу приглашение. Кравченко отказался: кто знает эти восточные тонкости...

Вернувшись, Миша долго не протянул на гражданке и снова поехал на войну, еще семь месяцев колесил по военным дорогам.

– Раз погиб в ауле наш солдатик, – говорил Михаил, – аул этот окружили и снесли, и никто не показывал этого, никакие телевизионщики не приезжали.

Похожая история была и у нас... Все войны похожи.

– Но я никого не убивал! – с жаром воскликнул Михаил, вспыхнув сине глазами. – Никого. Да и не смог бы, – убежденно добавил.

Ну, а потом, как обычно: водки стакан, еще один – и далее с остановками и без остановок, треш и угар поствоенной жизни у всех примерно одинаков.

Возил он одного вора в законе, а потом тот звонит ему, спрашивает, что да как и где он? Михаил отвечает: ты в тюрьме, а я напротив, через дорогу – в монастыре. Есть на Псковщине такое место. Вор в законе – по тюрьмам, а ветеран Михаил – по монастырям, хоронился за стенами от врага русской жизни – зеленого змия. В разных монастырях бывал. Но как только выходил из-под защиты – начинал битву, проигрывал и снова в монастыре спасался. Всяких людей встречал. Необычные люди к монастырям приближаются.

– Ну, теперь-то я тебя сфотографирую, – сказал я, доставая свою машинку.

Бывший солдат Михаил молча глядел в объектив.

12.

Ночью над деревьями и палаткой разразилась гроза, полился дождь. Сверкала молния.

Я успел подумать о напшигованной металлом земле, – вокруг палатки в заросших и наполненных лесной темной водой ямах – воронках от бомб – торчала ржавая арматура, остатки оборонительных укреплений. Да и велосипед стоял поблизости. Подумать-то подумал, а не испугался. Нелепым показалось грозы у монастыря бояться. И уснул.

Дождь то и дело налетал и утром, а потом и весь день. Но временами светило жаркое солнце. Так что я смог выстирать пыльную и потную рубашку в лесной луже и высушить ее на ветках. И набрал коричневой воды, настоенной на листве и хвое, в котелки, по дождал, пока она согреется, да и вымыл голову, причесался пятерней.

За кружкой все проясняющего кофе думал об отце Евфимии, о Михаиле. Вспоминал улыбку матушки Татьяны, чувствуя выросшее доверие к этим людям: к первым двум после сообщения об их службе, к последней – после улыбки.

Освящение храма намечено было на четыре часа. Время это приближалось, волнует меня. Ну да, будет много народу, полиция, телевидение, прилетят чиновники и, наконец, прибудет Патриарх. Любой лесной отшельник от всего этого ощутил бы беспокойство по меньшей мере. А я еще собирался всех фотографировать. Хотя вообще в походах предпочитаю держаться подальше от людей, селений и тем более от любых мероприятий.

Но будет ли солнце?

Автомобили заполнили даже мою лесную дорогу, я увидел их вскоре после выхода из лагеря. Полицейский кордон с металлоискателями находился на главной дороге перед монастырем. Все уже были в монастыре и у ворот. И полицейские с жадностью воззрились на фигуру странника в болотных сапогах, мятой рубашке, с рюкзачком, вероятно, единственного здесь паломника, добравшегося к Истоку своими силами, без помощи лошадиных моторов. Тут же потребовали все вытаскивать.

– Шо там у вас?.. Ну, шо? – любопытствовал один.

– Я турист, – проговорил я.

– Так и што? Давайте, давайте, показывайте колющие, режущие...

Они верно чуяли, но не предполагали, что я человек предусмотрительный и охотничий нож, газовый баллон спрятал в крапиве на обочине. Так что их ждало разочарование.

...И через минут десять в небе застрекотал вертолет. Пыхнуло солнце. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл летел над лесами. Засуетились фотографы, подтянулись полицейские. Губернатор Островский, энтузиаст возведения монастыря на Истоке, стоял с букетом белых роз.

Под пение и звон колоколов, осеняя всех крестным знамением, Патриарх вскоре вступил в монастырь. Щелкали фотокамеры, с телекамерами наперевес таранили толпу операторы, как фрегаты мелкие лодчонки. Процессия двинулась в храм, Патриарх поднялся по крыльцу, вошел внутрь, и началась служба малого освящения храма Святого Владимира, слышимая всем сотням собравшихся благодаря динамикам. Здесь было много пестро одетых людей, молодых и старых, женщин и мужчин, детей. На костылях стоял хиппи с волосами, убранными в «конский хвост», рядом его подруга в длинной бардовой юбке. Поблескивал медалями седой ветеран. Тянулись вверх руки с мобильниками, оснащенными фотокамерами.

Торжество было приурочено к тысячелетию со дня кончины князя Владимира. В князя последнее время особенно густо летели критические стрелы журналистов. Известный Невзоров сравнивал его с еще более известными персонажами криминального мира. Сведения о буйствах князя – в исторических источниках. Увы, слов из песни не выкинешь. Но, во-первых, эти сведения относятся к его дохристианской ипостаси, и, во-вторых, одна вещь опресняет критику, а именно – прозвище князя, которое ему дал народ. Точнее, фольклорный образ Владимира Красного Солнышка включал в себя различных персонажей, но главным из них и был князь в Киеве, крестивший Русь. Можно,

и не верить народному творчеству, но иметь его в виду все-таки дело не лишнее, если мы хотим знать и понимать пространство русской жизни.

В этом образе – Владимира Красного Солнышка – мечта и тоска народа о правителе мудром, честном, чистом, заботящемся не о своей мощи, а о счастье подданных и прежде всего о малых из них, стариках, детях, бессребренниках. Главная мечта народа – о правителе-бессребреннике. Во взглядах, устремленных на Патриарха, вышедшего после освящения храма на крыльцо и обратившегося ко всем с речью, тоже читались эти надежды. Духовный пастырь тем более должен быть бессребреником. Запросы народа тут высоки.

Патриарх Кирилл, как всегда, хорошо говорил и держался бодро. Говорил он о значимости этого события – освящении храма и открытии монастыря на Истоке реки трех народов, благодарил жертвователей и помощников, среди которых первым назвал Володина, высокопоставленного чиновника в Администрации президента.

Как видно, чиновнику приглянулся лесной край с чистым воздухом.

– Иди на ключ, – посоветовала бабка из Сычѣвки, с которой мы переговорили еще в воротах монастыря; узнав, что я семь дней сюда на велосипеде ехал, она решила по мере сил опекать меня. – Он потом туда пойдет.

Так я и сделал. И занял удобную позицию. Через некоторое время процессия двинулась сначала в келью, потом через звонницу в ворота, ведущие на Исток, и – по мосткам с перилами – до купели. Фотографы толкали друг друга. Телевизионщики старались отыскать наиболее выигрышную точку съемки. Народ толпился у широкой канавы с водой. Берега там были топкие. Тут-то и пригодились мои сапоги. Я снова столкнулся с сычевской бабушкой.

– О как ловко ты! – усмехнулась она.

Патриарх совершал водосвятный молебен, окунал крест в купель, говорил снова о

реке и братство народов, обрызгивал улыбающиеся зрители и участников действия водой. Ему поднесли икону.

Патриарх и те, кто сопровождали его, правились в монастырь, а народ радостно прильнул к воде: кто набирал воды в ладони и поливал ею своих спутников, кто умывал лицо, кто пил, кто наполнял посуду, один мужчина, балансируя, стаскивал по очереди туфли, носки и окунал ноги. Вспомнив, что орудовал тут сачком, я посоветовал жаждущим набирать все-таки воду в самой купели, там чище. Но меня никто не слушал. У наших людей вообще особое отношение к воде. На Крещение в лютом морозном тумане к храмам тянутся очереди с бутылками от трамвайных остановок. И сейчас был момент, подобный крещенскому празднику: воды реки освящены. Можно сказать, что молитвенные воды пошли через леса и доли к Дорогобужу, оттуда к Смоленску, дальше в Могилёв и еще дальше – в Киев.

Понемногу народ расходился.

А за монастырем уже стрекотали вертолеты, и в небо поднялся один, с Патриархом, за ним другой. Патриарх отправился вниз по Днепру, в Смоленск, где на следующий день будет открыт памятник князю Владимиру. Еще по дорожкам монастыря ходили люди, фотографировались, но уже гудели автомобили, и в сторону Сычёвки вытягивалась вереница, своеобразная колонна. Посыпался дождь. Мимо звонницы пробежал толстый телевизионщик, затормозил, достал фотоаппарат, торопливо сделал пару кадров звонницы под тучей и побежал дальше. Монастырь быстро пустел.

Мне повстречалась матушка Татьяна, и я попросил дозволения сфотографировать ее. Затем увидел отца Евфимия. Он сказал, что слагает с себя временные полномочия настоятеля: из Троице-Сергиевой лавры прислали настоятеля отца Амвросия, келаря и еще одного монаха. Был отец Евфимий, как всегда, быстр.

...Не знаю, может, мне и почудилось, но, кажется, в глубине его глаз мелькнуло сожа-

ление. Или это я его выдумал. Ведь все мы мерим мир своей меркой, режем ленту полученной информации своими портняжьими ножницами, кроим кафтан действительности, чтобы удобнее было в нем.

Вдруг из леса начали появляться солдаты с вещмешками, подтянутые, дельные. Наверное, подроты. Быстро погрузились в автотобус и уехали. Я никак не мог вынуть плащ из чехла, замок заклинило. Поблизости при тормозил автомобиль, хипповатый здоровяк с ясным лицом и волосами, убранными в «конский хвост», спросил, все ли у меня в порядке, не нужна ли помощь? Он может подвезти. Я поблагодарил и ответил, что у меня есть свой транспорт.

– Ну, Бог в помощь! – сказал он с улыбкой.

Пожелал и я ему счастливого пути. В автомобиле сидели похожие на него спутники. Ненароком припомнились рассуждения любимого румына Мирчи Элиаде о хиппи, он предлагал взглянуть на них сквозь призму Христианства и находил много черт, роднящих хиппи и христиан первых веков.

Вон куда загнул, скажет цепкий журналист. Хиппи на ладном автомобиле какой-то известной фирмы и ослики первых христиан. А тем более – вертолет с Патриархом. Ну, если бы Христианство начиналось сейчас, то, возможно, Учитель на мотоцикле и въехал бы в Иерусалим. Собственно говоря, создатели фильма по знаменитой рок-опере и сделали такую поправку на технический прогресс, введя танки и автобусы на съемочную площадку. В век скоростей и атомных бомб евангельская история рождает не меньше, а, пожалуй, еще больше различных вопросов.

Хотя, как я уже говорил, странник – фигура, идущая поперек прогресса. Ну да, поперек. Но надо все-таки быть реалистом.

От монастыря отъезжали последние автомобили.

И стало вдруг тихо. С ветром и солнцем налетели гости и унеслись куда-то. А вокруг монастыря зашелестели леса под дождем, потемнело. На монастырь валили тучи. На-

кинув плащ, забрав из крапивы свой схрон, пошел я по грязной дороге в лагерь, неся и канистру с водой из скважины. Удивительно, как былолюдно, пестро, шумно, – наверное, больше столько народу здесь не соберется. У братии теперь потянутся тихие лесные дни осени, потом посыплются снега на келии, русскую гору Исток заметет. А воды будут так же сочиться, собираться из мхов, мглистых глубин, сливаться и медленно течь меж низких ржавых болотистых берегов, принимать боковые ручейки, родники и речки, – чтобы через две тысячи с лишним верст распахнуться киевским зеркалом, бликующим утром солнечными, а ночью электрическими огнями и звездами, зеркалом, в котором ведь можно увидеть Русь в праздник, когда восстанавливаются времена творения. Это гигантское зеркало здесь, на Истоке, и встало во время освящения храма и водосвятного молебна. И даже сейчас можно было увидеть его осколки. Я повернулся.

Над лесом, за которым пряталась обитель, горела радуга. Уже не для тех, кто улетел и уехал, а только для тех, кто остался нести служение в стенах соснового монастыря. Хотя, наверное, радуга далеко вытянулась в пространстве над лесами в каплях, птицах, может, и до самого Смоленска. Но над деревянными крышами келий, храма и звонницы ее зрели лишь монахи, матушка Татьяна да истопник Миша.

13.

Утром собрал лагерь и погрузил на велосипед, засыпал кострище и пошел сначала среди деревьев и кустов, потом уже по лесной дороге. Свернул к монастырю. Надо было попрощаться. Но братия была на утренней службе. А у входа курил истопник, с ним разговаривал светловолосый синеглазый богатырь. Рукопожатие у него было медвежьим. Познакомились. Охотовед Сергей Крылов, проработал в этих местах сорок лет и знает все тропы Оковского леса. А сорок лет назад ему предлагали поехать в Баргузин, но кто-то отсоветовал: мол, там старoverы, слишком

сложно будет с ними. И он выбрал Оковский лес. Но и здесь было не просто. Попробуй уреди сорвиголову, родившегося здесь и с отроческой поры бегающего по болотам с ружьишкой, что у охоты есть правила и надо их соблюдать. Еще сложнее с залетными столичными ухарями с их поистине космическим оснащением, ну и амбициями, знакомствами...

Сказал ему, что как раз в Баргузинском заповеднике начинал, получил там трудовую книжку и работал лесником. Семья старoverов у нас была, он тракторист, она пекарь. Ну, точнее – они потомки старoverов. Тракторист курил и очень любил краску – дешевое вино «Рубин». Срок за браконьерство у него был. Но вообще настоящие старoverы отличались, по слухам, честностью. А эти наши хорошо пели свои семейские, по самоназванию тамошних старoverов, песни.

Крылову исполнилось шестьдесят, начальство на отдых его не отпускает, да и он сам не особо хочет. Об Оковском лесе он готов был долго говорить, а я – слушать. Но дела заставляли его спешить. Мы договорились о поездках по окрестностям в будущем. Заканчивается одна книга, но уже шелестят страницы другой – о лесе трех рек. Да вот листво́й берез вокруг и шелестят. Крылов согласился быть проводником Оковского леса. Еще я успел его спросить о моем старшем брате, если охотовед тут сорок лет, то, наверное, встречался с директором школы из Бехтеева. Он отреагировал тут же: протянул мне руку. Да, знал его! В тот год, кстати, и в других школах подорвались ученики, – всего восемь ребят, сообщил он.

Обменялись телефонами, и охотовед указал на забрызганном «уазике».

Пожав руку Михаилу, следом отчалил и я. Уже соображая, как и когда лучше будет вернуться.

В Бехтеево, где учительствовал мой брат, я свернул, чтобы купить наконец хлеба. Хлеба в магазине не было. Его привозят два или три раза в неделю, сказала молоденькая продавщица. Зато есть пряники, консервы

и мороженое. Пока уплетал возле велосипеда мороженое, подъехал «батон» («уазик»). У парня водителя узнал, что можно здорово сократить путь и по лесовозным дорогам выехать прямо на дорогу, ведущую от трассы Сычёвка – Вязьма к Днепровскому. А именно этим путем я и хотел возвращаться: на Днепровское, оттуда к Нахимовскому, дальше в Холм-Жирки и вдоль набирающего силы Днепра к трассе Москва – Минск. Я и оставшиеся несколько кадров берег на Днепр и больше ничего не фотографировал. Мне нужен был Днепр, окутанный туманом, и встающее солнце. Парень оставил свою машину и довольно далеко прошел со мной, чтобы указать дорогу – на коровники и дальше. Там будет шлагбаум, его надо просто объехать. Поблагодарил его и бодро покатил в сторону коровников, обогнул их и устремился дальше.

За четыре дня возле монастыря засиделся. И теперь в полной мере мог почувствовать радость этого способа перемещения по земле – на велосипеде. На первый взгляд – ну, долго же? Если на автомобиле от Смоленска до Истока можно доехать часов за шесть – семь, с остановками, то на велосипеде – семь дней. Молодой и тренированный велосипедист доедет дня за четыре. Все равно – много? Вроде бы да, если смотреть на это из окна автомобиля. А так – едешь, едешь, упорно и тихо, и смотришь: получается, позади остаются заметные на карте пункты. И, конечно, никакой автомобилист столько не увидит и не почувствует, сколько велосипедист или тем более пешеход. Архаичная жизнь труднее, медленнее, но гуще. И, наверное, все же из нее ближе до истин, о которых толковал рыбакам, крестьянам проповедник из Галилеи. Думаю, что и монахи, присланные из Троице-Сергиевой лавры к Истоку, должны радоваться. Скорость и шум отупляют человека.

И, словно в подтверждение моих мыслей, дорогу перекрыл шлагбаум на замке. Хочешь дальше попасть? Выходи из машины. Но я-то был на велосипеде и спокойно объ-

ехал препятствие. Видимо, шлагбаум установили, чтобы не давать случайным грузовикам и тракторам разбивать дорогу.

А дорога была хороша – песчано-гравийная, плотная, ровная, таких лесовозных дорог я нигде не встречал. Сказка! И я катил по ней, что-то напевая.

Попал на просеки. Дух захватывало от лесных перспектив.

Но вот дорога уперлась в поперечную. В какую сторону дальше? Покумекав над картой, повернул вправо – в сторону Днепровского. Ехал, ехал... Ни души. Ровная дорога, от нее уходят просеки. Над елками канюк кружит, кричит гнусаво.

Но вот в чащобе грохнул выстрел. Кто-то шарится по лесу, но не показывается.

Туда ли еду?

Кручу педали. По одной просеке вроде бы движется фигурка. Далеко. Достигла края леса – исчезла.

Еду дальше. И вдруг навстречу грузовик с бревнами. Голосую. Тормозит. Рыжий мужик, глядит исподлобья настороженно-вопросительно. Услышав вопрос, думает, морщит лоб, достает сигарету, закуривает и говорит, что – а не проеду я куда. Да. Нету проезда. Все закрыто.

Мгновение смотрю на него, как на инопланетянина. Он объясняет. В той стороне, куда я сейчас еду и откуда он приехал, ворота и сетка по лесу. Ворота на замке. А в той стороне, куда он едет, тоже ворота и сетка по лесу. Ворота на замке.

Но он-то проехал... Ключ?

Шофер кивает и произносит мантру новых времен:

– Здесь частная территория.

– И что, под сеткой нельзя пролезть? А далеко в лес она уходит?.. Что же мне делать?

Он уже без осторожности, а с одним только любопытством смотрит на меня сквозь сизый сигаретный дым сверху вниз. Рассказываю ему, что много проехал, велосипед тяжелый... Может, он на выезде просто забудет закрыть замок? Качает отрицательно головой. Советует пробираться просекой,

может и выведет к дороге. Просека упрется в поле, а по полю уже к дороге... Достая карту и предлагаю ему взглянуть, чтобы сориентироваться.

– Я в карте не понимаю, – признается он.

Смотрю в его рассеянные светлые глаза. Дальнейший разговор кажется бессмысленным, и, махнув ему, еду дальше. Машина с бревнами уезжает.

Частная территория! Опа! А на въезде – ни гу-гу. Частная территория, частная территория... Что-то вертелось в голове, чья-то реплика по этому поводу, не мог вспомнить. Из какого-то голливудского фильма, что ли. Ни с места! Вы находитесь на частной территории! И ствол направлен в лоб.

Но звучит магически: частная территория. И неправдоподобно. Эти просеки, лесные чащобы, дороги под самые небеса – частная территория? Следовательно – звучит угрожающе. Кто же владелец всего этого?

Сворачиваю на первую просеку. Не попробовать ли? Колдобины, кое-где выворотни. А где-то впереди еще поле, и перед полем может быть овраг или болото. Лет десять назад, не раздумывая, пошел бы этой просекой.

Выхожу на дорогу. Что же делать? Возвращаться тем же путем? Что за дикая мысль! Тут, наверное, километров пятнадцать. Продолжаю двигаться в том же направлении. И почти бесшумно меня настигает автомобиль, уже слышу, а не оглядываюсь. Окликают:

– Куда едем, хлопец?

Смотрю. Белая «Нива», а в ней – копия министра Лаврова, только уменьшенная. Но тот же взгляд сквозь стекла очков, тот же нос, лоб. Только почернее министра. Ну, так министр в высоких кабинетах и на высоких встречах за закрытыми дверями, а этот – на воле лесных просек.

– В Днепровское.

– Это невозможно.

– Почему?

– Дорога закрыта. И даже если бы была открыта, ни в какое Днепровское тут не поедешь.

– А в той стороне?

– Могино.

– Это почти на нужной мне дороге.

Кивает и говорит, что мне придется возвращаться той же дорогой, какой я сюда приехал. И зря я упорствую. Ему все сообщили.

– Здесь частная территория, – отчеканил он.

Черт, заладили. Говорю, что на въезде от Бехтеева нет никаких предупреждающих знаков, надписей, только шлагбаум. Но мой велосипед не повредит здесь дороги. Вид у квази-Лаврова непреклонный, как на переговорах с Керри. Всё. Здесь частная территория, проезд закрыт.

Бросаю последнюю карту: мол, давно уже в пути, приехал из Смоленска на Исток, пишу книгу о смоленской земле.

Он кивает, уже отъезжая, всем видом давая понять, что его ничего не интересует, кроме частной территории и обслуживания оной. Всё.

– И вы не поможете?

– Нет. Той же дорогой – назад.

Уехал дальше, видно, проверять или укреплять ворота, пропускать ток или настораживать мину-ловушку... или что там у них? Какие уловки теперь против странников? На Руси-то к странникам раньше особое отношение было. Странники, бредущие со своими котомками от села к селу, от монастыря к монастырю, считались людьми Божьими. Ведь сказано в притче евангельской: «... был странником, и вы приняли Меня». А праведники в ответ: «Господи! Когда мы видели Тебя странником, и приняли?» – «И Царь им скажет в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

Но этот квази-Лавров, возможно, и не читал никогда Библию и почитает какие-нибудь другие книги, – книжки сбербанка или что-то в этом роде. Ведь и на замечание о том, что это путешествие книжное, он никак не отреагировал.

Автомобиль скрывается, а я, увидев хорошую дорогу, увозящую влево, в сторону по-

лей и дороги на Днепровское и Холм-Жирки, съезжаю на нее.

Дорога идет, идет в нужном направлении и скрывается среди сосен и елок, что очень хорошо. Ясно, что больше предупреждать он меня не станет, а просто вызовет охрану или каких-то молодцов, готовых выполнить это задание – вышвырнуть странника из частных лесов. Сдал же меня рыжий водила. Частная территория. Но кому она принадлежит? Кто хозяин этого леса?

Еду и вижу: на дороге зияет ров. Просто ров, и всё. Специально перерыли, возможно, для того, чтобы законсервировать на некоторое время дорогу, решил я, слезая с велосипеда и осматривая препятствие.

Ничего, прорвемся.

Спустился, начал подниматься. Песок расплзается, напружиниваю живот – вот-вот, как говорится, пупок развяжется. А разбирать поклажу не хочется, да и время потеряю. После дождя на этих безлюдных дорогах все видно, кто куда проехал, прошел.

Частная территория. Что же это такое? Частные владения? По сути – такой огромный дом?

Одолею ров. Вскочил на конь, как говорил Давыдов, и покатил дальше. Давыдову тоже доводилось уходить от неприятеля по родной земле.

А дорога забирала влево, влево, – и, как в «Виин», сделал чертов круг, я вернулся почти к тому же месту, где свернул с главной дороги.

За что боролись, на то и наехали... Да, слушали «Голос Америки», триндели на кухнях, спорили. Вот капитализм и пришел. Повернулся своим человеческим лицом к нам. И сейчас я вспомнил вопль столпа анархизма Прудона: «Частная собственность – это всегда кража!»

Скрежеща педалями – пора было смазывать, – поехал обратно, в Бехтеево. Я не знал, насколько был прав тот распорядитель, но был полностью согласен с Прудоном. Старые анархистские дрожжи, скуксившиеся было после видеосюжетов и различных свидетельств о кровавой вольнице в украинских

пределах, снова забродили. Тут вспомнился и наш анархист Лев Толстой, говоривший, что «собственность несовместима с любовью. А устанавливая господство имущих над неимущими, собственность противоречит евангельскому закону о сыновности людей Богу и равенстве всех людей. Короче, все эти владетели, сенаторы, чиновники, бизнесмены и президенты «виноваты уже одним тем, что богаты». И право собственности есть, по наблюдениям умного коняги Холстомера, низкий животный людской инстинкт. Что бы сказал этот коняга, попав в такой вот привольный на первый взгляд лесной капкан?

Какие же это деньги надо, чтобы скупить столько леса? И как вообще лес можно купить? Я никогда не видел частного русского леса. Служил лесником в заповедниках, но те леса принадлежали не какому-то бизнесмену, чиновнику или генсеку, они были все-таки народными, резервами чистых земель страны, прибежищем для птиц и зверья. А кто владелец этого леса? Какой олигарх, толстосум?

Собственность есть господство имущего над неимущим, говорил Лев Толстой. Вот это господство сейчас и осуществляется в далеком лесном углу. Возможно, владелец леса жил где-то в Петербурге, сидел сейчас в своем офисе или на яхте кушал семгу с водочкой, а может, в Москве тенью скользил в державных коридорах. И господствовал здесь. Да и скорее всего не только здесь. Обычно это господство незаметно, оно растворено в воздухе, стекающем золотыми слиточками в ячейки банков. В России много лесов, полей и рек. Марк Шагал однажды нарисовал Россию в виде коровы. Да, кто-то ведь ее доит тихо и незаметно.

Но иногда воздух становится свинцовым, и ты об него ударяешься.

Нагнала меня и мысль о том, что, возможно, как раз в этих лесах погиб дед Пётр Ермаков. Погиб он осенью сорок первого. Отец считал, что под Вязьмой. А не исключено, что где-то здесь, в сычевских и новодугинских

лесах, ставших частными. В те времена они были общими. Да и случись сорок первый сейчас – снова станут общими. Владелец тут же предоставит возможность защищать их и кропить кровью. Как и рощи, борки, лужайки, озера частных территорий по всей России. Отдых в этих местах – дело частное, приватное. Смерть за них – дело общее. В ход сразу пойдут мантры другие: про священную родную землю и счастье отдать за нее свою частную жизнь.

Увидел яблони на месте какой-то исчезнувшей деревни, подъехал, но что-то ни одного яблока не нашел. А заметил на земле свежие следы медведя. Подальше рос терновник, поел мелких сизых слив. Наверное, и медведь за ними приходил.

Оглянулся. Да, благодатные места.

14.

До прежней стоянки в полях перед Сычёвкой дотащился уже в сумраке, не чуя ног. Оглянулся: гигантская красная луна висела низко над Сычёвкой. Такой огромной никогда не видел, даже не пожалел кадра на нее, хотя и понимал, что снимать надо другим объективом – телевиком. Луна в эту ночь была особенно близка к Земле.

Заваливаясь спать после ужина на ветру возле угасающего костра и при свете луны, вдруг вспомнил последний сон монастырский: снилась мне огромная кобра с очками на капюшоне. А квази-Лавров в очках-то и был.

На другой день, проезжая мимо сычевской лесопилки, узнал у рабочих, что лишних я сделал километров сорок. Рабочие не одобрили действия распорядителя и сказали, что это хозяйство называется «Боброво», руководит им Жукова, там и охотхозяйство и сельхозпредприятие. Большие деньги вкладываются. И большие люди охотятся. «Путинские!» – крикнул парень, поворачивая ломом комель в три обхвата.

Ну, теперь мне понятна стала спесь квази-Лаврова.

Позже невысокий, сухощавый востроносый мужик, пасший большое стадо коров

возле дороги, говорил, что места эти облюбовали кремлевские чиновники и что сам Путин здесь охотился. «Боброво», по словам пастуха, опекает известный кремлевский чиновник.

Действия распорядителя из «Боброва» он тоже посчитал паскудством – заставил человека столько лишних километров проехать. Согласился, что могли и накостылять.

– Да все они такие! – воскликнул он, махнув рукой.

Заметил, впрочем, что своим работникам в «Боброве» платят хорошо и дома для них строят классные. И землю они содержат в образцовом порядке, пашут, засевают, вовремя убирают. «Я это и сам видел, проезжая мимо полей и радуясь возрожденным пейзажам крестьянской России».

Сам пастух получает двенадцать тысяч за две недели пастьбы. Зимой он тоже скотником на ферме. Подрабатывает и плотницким делом. Жить можно.

– Вон, – сказал он, указывая на крыши деревни, среди которых выделялась темно-красная, черепичная, – мой друг дом себе строит.

– Волки зимой бегают?

– Куда там! – воскликнул он, пыхая сигаретным дымом. – Как только появляются, сразу охотники за ними. Платят за добытого волка хорошо.

Ударил по рукам, пожелав друг другу удачи.

Асфальт остался где-то в Днепровском, крупном селе на просторном высоком месте, и под колесами курился пылью большак.

Он привел меня в Нахимовское. Село над Днепром. Точнее, над заросшим прудом бывшей усадьбы дяди адмирала Нахимова. Днепр немного подальше. Что примечательного в этом селении? Деревянные дома с огородами? Единственный двухэтажный каменный многоквартирный жилой дом? Пыльная дорога? Закрытый днем магазин? Не угадали. Все-таки главная достопримечательность этого селения посреди бескрайних просторов – фундамент усадьбы и остатки

парка, где провел свое детство будущей адмирал и герой Крымской войны Павел Степанович Нахимов. Но, если приблизиться к памятному знаку на высоком берегу среди дивно благоухающих старых лиственниц и дубов, – якорю и мемориальной доске, откуда сразу видно нутро фундамента разрушенного дома – да вот, если туда глянуть, ни в жизнь не угадаешь, что это так. Там просто помойку устроили местные или приезжие, не знаю. Но даже если приезжие, в чем большие сомнения, – даже если так, то неужели у местных нет ни капли гордости и здравого смысла, чтобы это все убрать, а нишу перекрыть надежно?

Мелькнула мысль о моих знакомцах Майке и Митти, – хорошо, что маршрут их пролегал по другому пути. Я-то человек привычный к таким фортелям национального самосознания, видел каждый день замусоренные башни крепости в областном центре – Смоленске. Смоленяне еще не готовы в полной мере владеть «ожерельем Руси», как поименовал крепость Годунов, и путают башни с уборными и мусорными баками. Поучиться бы у китайцев и евреев бережному отношению к стене. Да и у французов с немцами и испанцами, они содержат свои крепости и замки в чистоте.

Пожалуй, самый трудный участок всего пути был от Нахимовского до Холм-Жирков. Больше пыльный, усыпанный гравием. Камеры не выдержали тряски под грузом и начали спускаться. Думал остановиться на Днепре, но путь мне перекрыло грозное явление, запрещающее проход и проезд: снова – частная территория!

После дождливой ночевки за Днепром у деревни Глушково, где какие-то мужики на автомобиле свернули с дороги вслед за мной через десять минут и под дождем в сумерках бродили, что-то искали поблизости, так и не выходя на мою палатку в высокой траве и кустах, и когда уехали, не знаю, не слышал, спал беспробудно, – катя велосипед со спущенными камерами, вошел в Холм-Жирки.

Пересек центр этого большого поселка и оказался перед входом в «Парк графа Уварова», – такая надпись была на арке.

После утренней пасмурности выглянуло солнце и светило жарко. В парковой тени и займусь сменой камер. Парк был огромен, тенист и безлюден. Удивительно сильно пахло ладаном. Наскоро перекусив, снял колеса, взялся извлекать камеры, – не делал этого лет десять и навык утратил, долго возился, утирая пот со лба. Устанавливая новую камеру, проколол ее. На дорожке появился прохожий, белобрысый коренастый малый в шлепанцах, футболке и трико, поддатый.

– О! Что это тут у нас? Авария? Поломка?

Попросил позволения «присесть» – «сесть» такие ребята суеверно не желают. «И затеялся смутный, чудной разговор», – как пел Высоцкий. Парня звали Димой, работу он потерял, бокс бросил из-за того, что тренер сбежал в Смоленск, предав своих питомцев. Живет в деревне, как он сказал, за парком. Рассуждая о Холм-Жирках, он никак не мог вспомнить знаменитого человека, похороненного здесь... ну, самое, в чьем парке мы сидим?

– О, точно! Граф Уваров! Приезжали сюда господ из столицы, по-французски... б... говорили... то да се. Короче, батя, мне бы чекушечку достать? – спросил он, трепеща ноздрями в кровавых царапинах.

Отвечил, что у странника нет лишних денег. Дима задумался.

– А если, допустим, я в такой поход поеду, сколько мне надо бабок? – поинтересовался он.

В это время подошли два бомжеватых мужика: один, средних лет, уже близок к роковой черте полного бомжа, другой еще молод, в очках, правильная речь, и при счастливом стечении обстоятельств явно может жить по-другому. Они друг друга знали, приветствовали. Пошел дым коромыслом, восклицания.

Я тем временем почти вправил вторую камеру, но – снова неосторожное движение – и она испустила дух. Проклятье!

– Вот, – говорил Дима, указывая на меня, – из Смоленска приехал, уважаю.

– Ну и что, – отозвался алкаш средних лет, обрюзгший, с синюшностью в лице. – Вон Юра гонял в Москву и обратно на велике, просто так.

– Нет, все равно! Прикинь...

– Нам бы подлечиться. У тебя нет, Дим?.. А у него?

– Я тут уже знаешь, сколько бьюсь!? – воскликнул Дима.

Денег я им, конечно, так и не дал, спросил дорогу к ближайшему магазину автозапчастей, загрузил велосипед и, напутствуемый добрыми пожеланиями честной компании, пошел из парка графа Уварова. Камер для велосипеда в магазине не было. Мне посоветовали магазин на другом краю поселка, двинулся туда, но оказалось, что это просто хозяйственный магазин. Повстречавшиеся школьники сообщили, что надо только утром в среду на базарчике искать. А вообще велосипеды продаются где-то? Да, в универмаге на втором этаже. Решил туда пойти. Некоторое время мы шагали в одном направлении. Спросил, каково им тут живется? Отвечали, что нормально. А один заметил:

– Легко понять, какие тут возможности.

– Как?

– Вот вы не можете камер найти. И не найдете.

Но я был прав. На втором этаже магазина стоял один складной велосипед. И никто мне ничем не мог помочь. Уже вечерело. Собирались тучи. Из полицейского отделения вышел офицер и направился ко мне, его заинтересовали мои хождения в желтой дорожной светоотражающей жилетке туда-сюда по Холм-Жиркам. Поговорили. Он поделился своими впечатлениями от поездки к Днепру: переплунуть можно. В каком-то месте ему удалось подъехать к такому узкому Днепру. Но примечательно, что он не ведал, где, в каком районе находится Исток. И не только он один. У меня в дороге часто переспрашивали: что, Исток Днепра? А где это? Как

Майк, подумавший, что я веду речь о каком-то городе.

По совету полицейского пошел в гостиницу, одноместный номер был, стоил всего 350 рублей, туалет и душ в конце коридора. И на двое суток я застрял в Холм-Жирках.

Пошли дожди. Камеры я заклеил и выдерживал по инструкции 24 часа. В номере был телевизор. Из моей квартиры телевизор исчез лет пятнадцать назад. Ну, за это время иногда в чужих квартирах приходилось что-то смотреть, убеждаясь в тотальной агрессивности этой штуки. Сейчас удостоверился, что агрессивность многократно выросла. Но, например, хозяйка гостиницы, светловолосая женщина средних лет, считала именно телевизор мерилом всего. Понаблюдав, как я в бытовой комнате колдую с камерами, она посочувствовала и сказала, что удивляется, зачем вообще мне это надо.

– Увидел жизнь, – философически заметил я, намазывая «Моментом» камеру.

И она ответила искренне:

– Жизнь надо смотреть по телевизору.

И я в эти два дня в Холм-Жирках под дождем иногда смотрел телевизионную жизнь и могу только подтвердить давнее впечатление: это похоже на лавку ритуальных услуг с ее резкими красками и алчностью в лице ведущей... то бишь продавца.

Между дождями удавалось проскальзывать в поселок, пить горячий крепкий кофе и уплетать разогретые сосиски в тесте да пирожки с картошкой, осматривать парк, заходить в церковь, шагать по длинной улице на окраину.

С парком у холмжирковцев такая же история, что и у нахимовцев с руинами усадьбы. Парк запущен, в глубине засидки с пеньками и кострищами и пластиковым мусором, одна тропинка привела к дощатой хижине с номером над входом «33», столиком, пустыми бутылками.

А парк все же интересен. Здесь липы в три обхвата, мощные лиственницы, дубы, клены. Парк разбивал участник Бородинской битвы генерал Фёдор Семёнович Уваров, которого

Давыдов с уважением упоминает в своих «Записках партизана». Фёдор Семёнович был ранен в этой битве. Принимал он участие и в других сражениях, вступал в Париж. А уйдя в отставку, и жил здесь, занимаясь садоводством и интересуясь ботаникой.

Ну а его родной брат, похороненный в Холм-Жирках, С. С. Уваров, был министром просвещения и автором триады: «Православие, самодержавие, народность».

Прогулки по этому парку настраивали на размышления об этой триаде. Что от нее осталось?

О христианских ценностях обычно вспоминают после теракта исламского боевика. Большинство руководствуется в жизни обычным трезвым расчетом, тем более политики.

Пейзаж России изменился. Над холмами бликуют, переливаются золотые маяки куполов. Влияет ли пейзаж на сознание живущего в нем человека? Несомненно. Но и переоценивать это влияние не стоит. Мы знаем, как громили и жгли усадьбы и церкви жители этих пейзажей. Исторические грехи православия, о которых поминал Бердяев, никуда не исчезли. Философ прямо обвинял Церковь, не выполнявшую своей миссии преобразования жизни и поддерживавшую строй, основанный на неправде и гнете.

О недостаточной силе православия свидетельствует и происходящее в Украине: мужики с крестиками на груди бьют и режут таких же мужиков с такими же молитвами на судорожных устах. Да и то, что Украина откололась от России, – еще одно свидетельство, по оптинскому отшельнику К. Леонтьеву, считавшему, что только православие нас и скрепляет с Малороссией. Кстати, примечательно, но мыслитель считал, что в преданиях, в историческом воспитании все было у малороссов иное, на Московию мало похожее. То есть и предания о временах Киева, матери городов русских, уже тогда ничего не значили.

А мы хотим вернуть утраченное молитвенным течением реки...

Ну, не только молитвы идут в дело.

О самодержавии в последнее время заговорили. Один политик в патристическом угаре призывал навсегда отдать власть ныне действующему президенту. И сколько еще других политиков издевались над *так называемым западным образом жизни*, сиречь – над демократией.

Некая аллергия на демократию есть в гуще российской жизни. Но живуче и неприятие авторитаризма. Эту особенность народного самосознания отмечал Бердяев. В «Русской идее» он писал, что русское мышление склонно к тоталитаризму, но русская душа обуреваема анархическими чувствами. Эти чувства и захлестнули страну революцией, которая, впрочем, по тому же Бердяеву, стала тоталитарной.

Но самодержавно-патриотический угар рано или поздно развеется...

И, словно подтверждая это, на главной улице Холм-Жирков чернели – или пламенили? – стихи: «Товарищ, верь, взойдет она, / Звезда пленительного счастья, / Россия вспрянет ото сна, / И на обломках самовластья / Напишут наши имена». Сперва я удивился смелости холмжирковцев: надо ж, какой актуальный политический плакат вывесили. Но, пройдя еще немного, увидел и второй плакат, с нарисованным Пушкиным и сообщением о том, что в честь 200-летия со дня рождения поэта высажена аллея. И все-таки стихи-то они могли выбрать любые?

Из парка я ушел, там, на стадионе, собравшаяся молодежь с утра начала разогреваться: не бегом и прыжками, а возлияниями. Лихорадочный смех и крики разносились по всему графскому парку. Чувствовалось, что скоро ребят потянет на спортивные подвиги.

И уже не в парке, а на улице без пешеходных тротуаров я додумал о триаде. Оставался третий пункт: народность. Но тут я растерялся. Что это такое? Традиции, обычаи? То, что отличает нас от шведов и китайцев по духу. «Нас» – это кого? Москвичей? Смолен? Русских? Дагестанцев? Чеченцев? Татар? Якутов? Получился ли некий сплав, который можно назвать российским духом? Насколь-

ко, например, чеченцы чувствуют себя российскими? Этого я не знаю. Но могу предположить, что на глубинном уровне нас ничего сейчас не связывает. Только сила оружия, воля президента и деньги. Это и есть скрепы современной России?

В общем, от триады почти ничего не осталось. Возродить ее или изобретать новую – досужее занятие, оборачивающееся фантастическими заключениями вроде заявления «царедворца» о том, что «есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России». То есть из всех столпов российской жизни остался якобы один. Если так, то мы просто обречены.

Кстати, рассказы местных о том, что «Боброво» опекает известный кремлевский чиновник, не подтвердились. В открытых источниках указывалось имя единственного владельца: Лидии Петровны Барабановой. Кто это такая, – поди-ка узнай. Она же является и учредителем охотхозяйства «Заимка» – это в нескольких километрах от «Боброва» – наряду с двумя гражданами Великобритании: Руперти Тимоти Майлз и Руперти Энтони Ян Димитри, из которых к 2012 году в учредителях остался последний. У меня даже мелькнула мысль, не с этим ли Руперти я и столкнулся на лесовозной дороге? По-русски он говорил с каким-то акцентом и вообще выглядел полным чужаком. Попытки получше разузнать о Барабановой привели в Саратов, Лидия Петровна фигурирует в списках акционеров ООО «Букет», многопрофильной группы масложировых комбинатов. Хотя, возможно, Лидия Петровна Барабанова в Саратове просто полная тезка владелицы «Боброва» и «Заимки». Всякие бывают совпадения.

А какая разница?

Да любопытно узнать, кто этот энтузиаст сельского хозяйства, жертвующий миллионы рублей на технику, дороги. Например, за 2012 год предприятие получило прибыль 18 млн. рублей, а закупило в этом же году техники на 28 млн. рублей. Всего за 2010–2012 годы освоено 115 млн рублей инвестиций. Правда, участвует в инвестировании «Боброво» и государство, но скромно.

Форма собственности сельхозпредприятия – частная. И губернатор любит подчеркнуть, что это пример удачного государственно-частного партнерства, форма взаимодействия государства и бизнеса. И тем более удивителен был ответ администрации Новодугинского района на мою просьбу сообщить информацию об учредителях и владельцах этого «Боброва»: такой информацией администрация не располагает. То есть: администрация не ведает, кто у нее хозяйничает под носом. Или не хочет ведасть?.. А точнее – делиться этими сведениями? Что за покров тайны? Должны мы знать, кто скупает наши земли, берега рек и леса?

А жаль, что сообщение пастуха не подтвердилось. Хороший был бы пример другим чиновникам высокого ранга: вкладывайте деньги не в швейцарские банки и фирмы на Кипре, а в сельское хозяйство России. Вообще в России 40 тысяч высших госслужащих. Ну, пусть не все они могут с зарплаты покупать комбайны и тракторы, но посильную помощь оказать крестьянину точно способны.

Что, вдруг какой-то гоголевщиной повеяло? Маниловщиной? Сорок тысяч курьеров припомнились ненароком? Сорок тысяч чиновников на службе у крестьянина!

Жертвователь сегодня жертвует на сельское хозяйство, а завтра? Надеяться на меценатов крестьянину, конечно, дело непрочное. И это не выход, но все-таки: запущенный разрушенный племсовхоз «Городнянский» превратился в образцовое «Боброво». Это факт. Смоленская земля может процвести. Да вот надолго ли?

Неожиданно в деревянной церкви Николая Чудотворца разговорился с женщиной, продающей свечи, и узнал, что матушка Татьяна начинала свое служение поблизости, на станции Игоревской, где восстанавливался храм. Женщина обрадовалась, услышав, что я видел матушку Татьяну, и много добрых слов о ней сказала. А вот так в стародавние времена вести и шли, от монастыря к монастырю, от церкви к постоялому двору.

А за окном гостиницы мок куст сирени, напоминая о стихотворном кусте Твардовского, хотя у него речь о середине лета: «Раннее лето, прощай, / Здравствуй, полдненное лето». Но куст сирени, пусть и уже в начале сентября и под дождем, а все такой же, с жестяной листвой. И я думал обо всех героях «Смоленского моста», о Пржевальском, о Тенишевой, об историке Никифоре Мурзакевиче и святом Авраамии, о Глинке, о смоленских живописцах и воинах, и о деревенских жителях Ельнинского большака, берегов Днепра. Теперь к ним прибавлялись и персонажи этого путешествия. Вот смоленский мост – от Истока до башен на холмах, с монастырями, колодцами, избами, прикровенным светом на хуторе Загорье. Фигуры на нем измельчали после тех, первостатейных, ярчайших: родоначальника русской классической музыки, великого путешественника, неутомимой собирательницы и меценатки, несравненного поэта, смелого историка-священника. Но мост обитаем. Не думаю, что это некая музейная экспозиция, застывшая в пространстве, и что всё только в прошлом. Многие определяющее – в прошлом. Но мост жив. И все-таки тверд, здрав в своей сердцевине. И вряд ли это только интуиция странника.

Хотя пусть даже и только интуиция. Бердяев в «Русской идее» и говорил, что «умопостижимый образ народа можно начертать лишь путем выбора, интуитивно проникая в наиболее выразительное и значительное».

Такой грандиозной задачи я не ставил перед собой, честно говоря. Просто не препятствовал своему влечению странствовать и раздумывать об увиденном. И всякий раз, забираясь в какую-нибудь глухомань, с удивлением понимал, что Россия у нас, как то пространство незнаемого, которое отмечали львами римляне на своих картах. Геркулесовы столпы, возле которых, как поется в песне, дельфины греют спины и где плавал Одиссей, начинаются сразу, за окраиной города, а может быть, и еще ближе, тут же за словом, произнесенным вслух...

Этот поход подарил мне знание Истока и особое чувство суровой сычевской жесткой земли, которую продолжают возделывать крестьяне. И молитвы братии в Свято-Владимирском монастыре им в помощь.

Рассуждать о полезности или бесполезности монастырей можно долго. Но вот какая простая мысль вдруг осенила меня: Андрей Рублёв-то был монахом. Тут нельзя не вспомнить и максиму Павла Флоренского: «Если есть «Троица» Рублёва, то, значит, есть и Бог».

Пусть это и только «Бог Рублёва», наверное, прибавит человек, привыкший все подвергать сомнению.

Так или иначе, а от рублевской «Троицы» идет поток благодати, красочной радости. И с этим не поспоришь.

Камеры я заклеил неудачно, к тому же лопнул шланг насоса, а дожди не прекращались, и стало ясно, что Холм-Жирки последний пункт моего странствия. Оставалось собрать велосипед, обернуть его целлофаном, купить билет.

Водитель автобуса сначала заартачился: «Какой велосипед?» – но, увидев, что он запакван, милостиво разрешил положить в багажное отделение. Водитель другого автобуса, в Сафонове, где пришлось делать пересадку, тоже напыжился. Вообще все водители автобусов чувствуют себя вершителями судеб, такие дорожные царьки. Я попытался объяснить громоздкую поклажу, сказал, что ездил на Исток Днепра. Низкорослый шофер с залысинами и бычьей шеей отрывисто бросил: «Мне это не интересно». И мне его фраза показалась удачной. И, все-таки погрузив вещи и усаживаясь на свое место, я подумал, что так и закончу очерк и книгу. И потом всю дорогу до Смоленска я к нему присматривался, разглядывал различные висюльки вокруг него, иконки, фигурки обнаженных дев и картинки с пушистыми котятами, карикатуры с чубатыми хлопцами, выпелы, декоративный футбольный мяч, значки и улыбался мысли, что и он едет по мосту и этого не знает. Возможно, сей факт

его и заинтересовал бы. Немного воображения – и, глянь он в один миг в зеркало, стало бы еще интереснее: среди пассажиров грузный генерал в эполетах и с усами, рядом женщина в шляпе; хотя генерал и слыл женоненавистником, но соседство с этой энергичной удивительной женщиной вряд ли показалось бы ему неприятным; дальше священник с лицом хиппи, другой генерал, смуглый, быстрый, с горящими глазами, синеглазый юноша в картузе и все остальные, включая Майка и Митти.

Да знаю я, что генералы и поэты-лауреаты и меценаты не ездят в общественном транспорте, даже священника не увидишь. Хотя в этот раз из Сафонова ехал какой-то священник. Так что не надо неколебимо определять, в дороге все возможно.

И ехали мы к городу...

А я вдруг вспомнил вопрос Майка – не город ли это такой, Исток Днепра? – и он сверкнул новым смыслом. Ведь странник на самом деле и взыскует града. И не находит. И это снова заставляет его отправиться в путь.